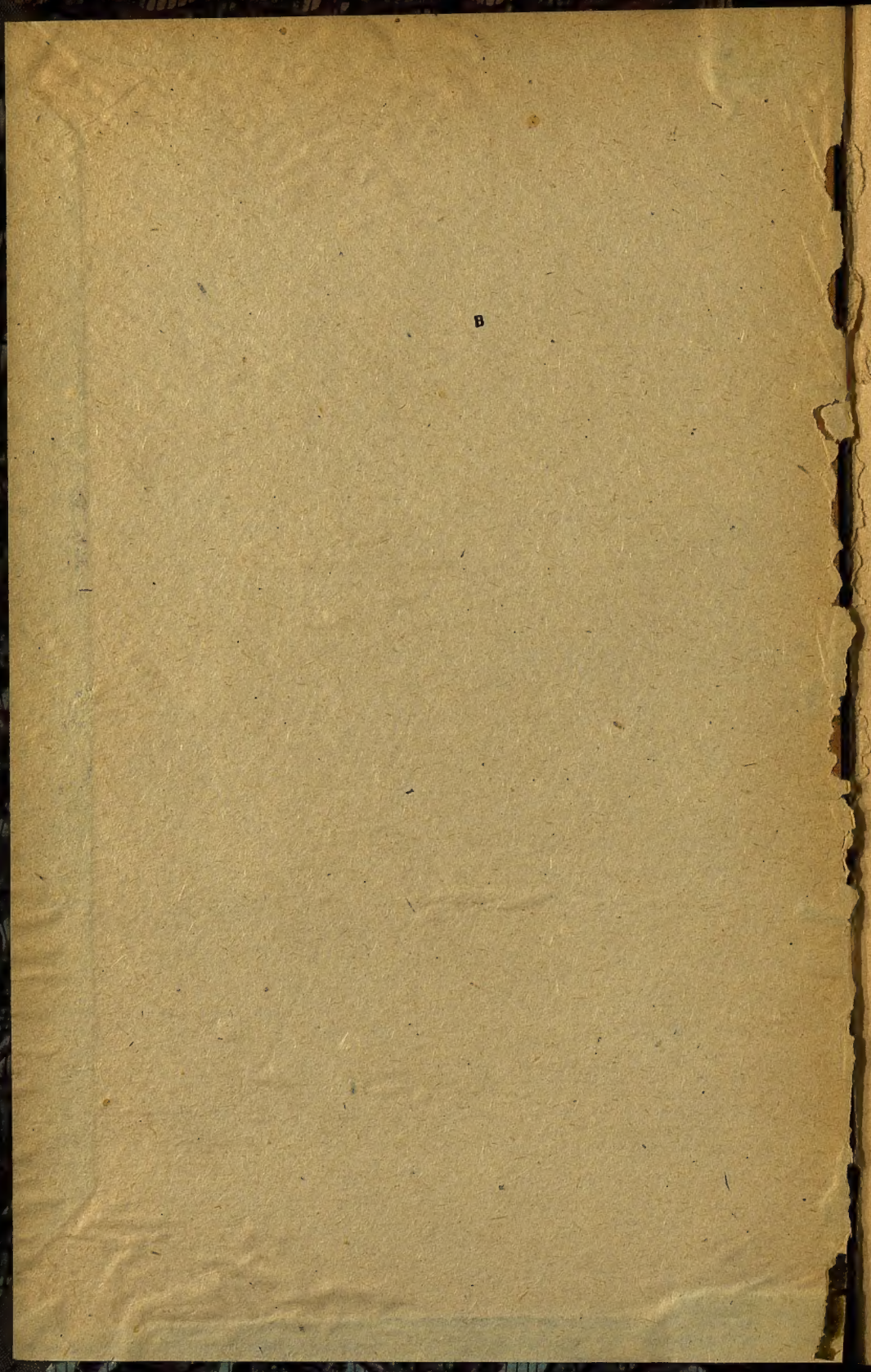
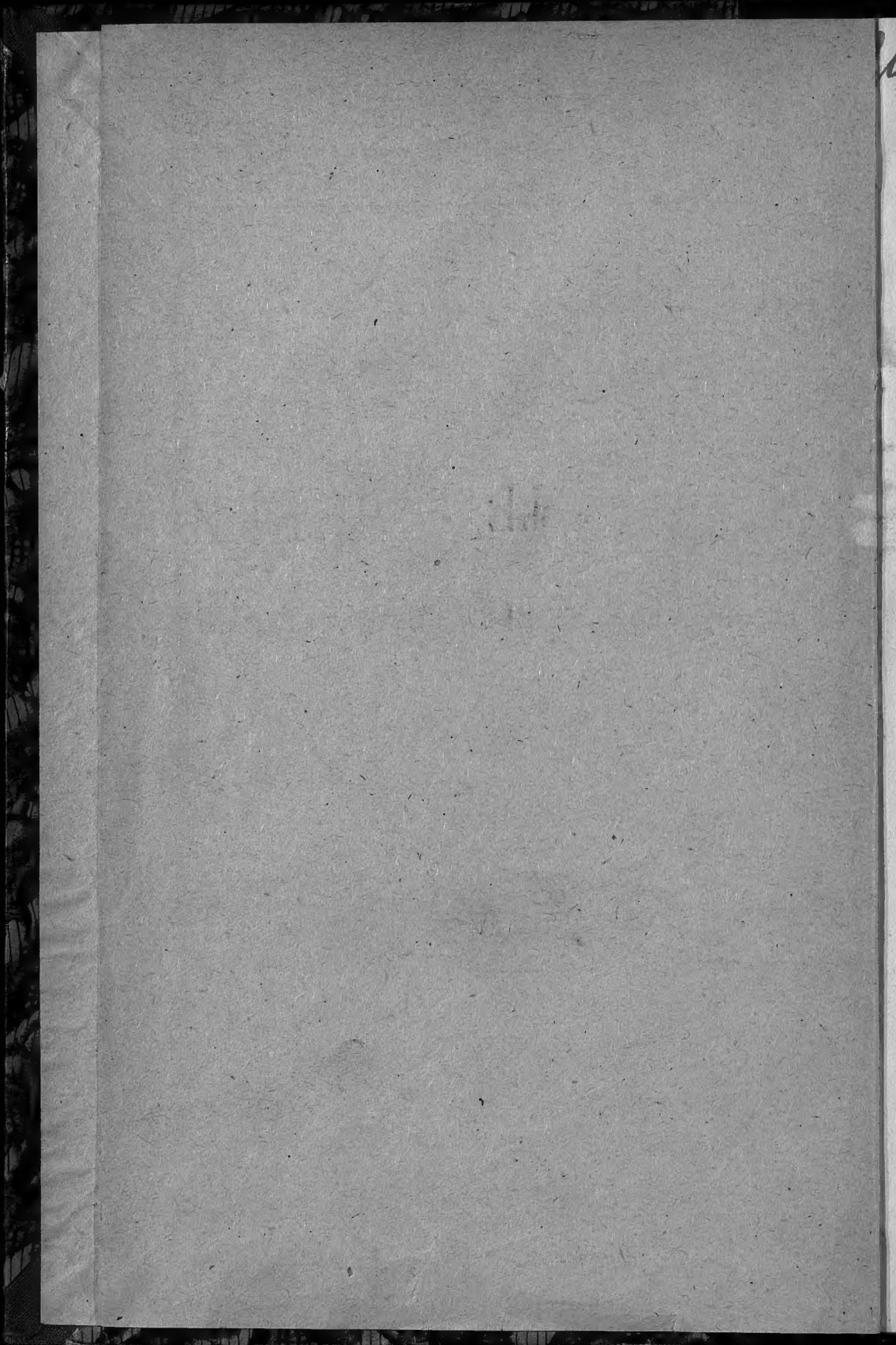

ИСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА

ГК 160
П 871

420

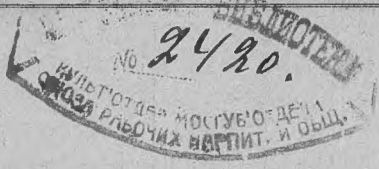
44, А

431
3

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

332

ГК160

П-72

П871

Е. Преображенский

X

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ

В ЭПОХУ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

1920

2-тис.

ГК160

П871

Библиотека

Института Ленинца

при Ц. К. В. К. П. (б.)

~~с 10
8925~~

~~(295
28)~~

4907 с.т.

1062366

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Вопрос о наших бумажных деньгах и об их судьбе, как и вопрос о денежном обращении в переходный период вообще имеет не только теоретический, но и огромный практический интерес. Экономиста должна интересовать проблема отмирания бумажного денежного обращения в совершенно новой обстановке социалистического строительства. Обывателю важно знать, судьбу имеющихся у него на руках бумажек. Пролетарскому государству необходимо учесть до каких пор оно может пользоваться бумажными выпусками наряду с натуральными налогами. Профессиональным союзам надо уметь согласовать тарифы с быстро падающим курсом бумажных денег. Между тем на тему о бумажных деньгах периода пролетарской диктатуры в нашей печати имеется лишь несколько газетных статей и несколько страниц в различных брошюрах. Задача настоящей работы заключается в том, чтобы восполнить этот пробел.

Эта брошюра имеет все недостатки работы, писанной наспех, урывками в часы, украденные от других, часто более важных обязанностей. Цифровой материал недостаточен, литература вопроса не проработана, не все стороны проблемы освещены, стиль небрежен и тяжел. Иначе я не мог. Либо надо было ничего не издавать, либо издать то несовершенное, что получилось. Я предпочел последнее. Недостаток свободного времени не позволил также автору сделать брошюру легко читаемой для каждого рабочего, знакомого с начатками политической экономии. Для тех читателей, которым покажется трудным начало, я рекомендую

начати, чтение с середины или конца: тогда легче будет понять и первые главы.

Несмотря на все недостатки этой брошюры, я в качестве автора не хочу отказываться от принадлежащего мне права посвящения. Я хотел бы посвятить это несовершенно произведение тому, кто совершенством своих произведений и их несметным количеством дал повод к написанию этих страниц: печатному станку Народного Комиссариата финансов. Революционное правительство Франции было в состоянии существовать и вести войну благодаря выпуску бумажных денег: ассигнаты спасли Великую Французскую революцию. Бумажные деньги Советской Республики поддержали новую власть в самый трудный период ее существования, когда не было возможности прямыми налогами оплатить издержки гражданской войны. Слава нашему печатному станку! Ему осталось, правда, уже не так много жить, но зато он на три четверти сделал свое дело. В архиве великой пролетарской революции, рядом с пушками, винтовками и пулеметами нашей эпохи, разившими врагов пролетариата, на почетном месте будет стоять станок того пулемета Наркомфина, который обстреливал буржуазный строй по тылам его денежной системы, обратив законы денежного обращения буржуазного режима в средство уничтожения этого режима и в источник финансирования революции.

Деньги металлические и деньги бумажные.

Чтоб понять все явления в области бумажного денежного обращения в период диктатуры пролетариата, т.-е. в период отмирания денежной системы вообще, необходимо иметь ясное представление о роли бумажных денег в эпоху нормального существования капиталистического производства. Нельзя понять законов распада системы, если не известны законы самой системы до начала распада. Когда обыватель Советской республики задает тысячу первый раз главный вопрос о том, скоро ли прекратится падение курса рубля, то для ответа даже на этот весьма элементарный вопрос надо знать, что такое бумажные деньги и какова их роль в общей системе капиталистического хозяйства; что такое бумажные деньги в период разрушения капитализма, и только в последнем счете можно что-либо сказать о судьбе той или иной бумажной системы, о курсе той или иной бумажной денежной единицы. Поэтому в этой работе нам приходится прежде всего начать с изложения в самых общих чертах того, что было сказано К. Марксом о бумажных деньгах капиталистического периода.

В дальнейшем же мы стоим перед вопросами, которые не могли возникнуть в эпоху, когда жил и работал автор «Капитала». Правда, в истории бумажных денег капиталистического периода были факты отмирания той или иной конкретной бумажной денежной единицы, достаточно напомнить, например о ликвидации ассигнатов Великой французской революции. Но все эти факты, давая ценнейший материал для понимания законов бумажно-денежного обращения капиталистического общества, лишь отчасти и лишь косвенно могут бросать свет

на предсмертные судороги денежной системы эпохи пролетарской диктатуры. Мы стоим здесь перед новыми вопросами, поскольку самая функция бумажных денег меняется в корне. На эти новые вопросы мы не можем найти готовых ответов в цитатах из Маркса, а должны сами попытаться дать ответ, используя метод Маркса.

Ввиду того, что не все, кто захочет прочесть эту брошюру, изучали Маркса, мне приходится начать с некоторых азбучных истин политической экономии.

При господстве товарного производства, т.е. такого производства, когда огромное большинство производимых ценностей не потребляется самими производителями, а выбрасывается на рынок для продажи, является необходимость в таком товаре, в котором могли бы находить свое выражение стоимости всех обращающихся товаров. Так как стоимость каждого товара определяется количеством общественно необходимого рабочего времени, потраченного на его производство, то в сущности каждый товар может быть мерилом стоимости других товаров. Этим товаром может быть и материя любого сорта, от шелка до холста, и скот, и скотское мясо, и объемистые по размерам дрова, и маленькие слитки золота. Возьмем один из примеров, которым оперирует Маркс в I-м томе «Капитала»:

1 сюртук	=	} 20 аршин холста.
10 ф. чаю	=	
1 квартал пшеницы	=	
2 унца золота	=	
1/2 тонны железа	=	
x товара А	=	
и т. д.		

Здесь все товары приравняются к 20 арш. холста. При всем разнообразии потребительных свойств этих товаров и различии количеств их меры и веса, они тем не менее соединены знаком равенства с 20 аршинами холста, и друг с другом (величины, порознь равные третьей величине, равны между собой). То общее, что заключается во всех перечислен-

ных товарах, взятых в данных количествах, есть величина общественно необходимого рабочего времени, употребленного на их производство. Поэтому около каждого названия мы можем представить одинаковое число рабочих часов, впитанных каждым товаром, допустим, 30 часов общественно-необходимого рабочего времени. Эти 30 часов, которые уже затрачены на производство товара в приведенных количествах его, до появления его в обращении, и делают возможным все уравнение. 1 сюртук потому равен 20 аршинам холста, что 30 час. рабочего времени, потраченных на его производство, равны 30 час. рабочего времени, потраченного на производство 20 арш. холста. Совершенно очевидно поэтому, что за скобки вместо 20 аршин холста мы можем с таким же правом вынести и 10 ф. чаю, и 1 сюртук, и четверть пшеницы и т. д. Из истории торговли нам известно, что это почетное место мерил стоимости других товаров в разные эпохи на разных концах земли занимали различные товары: драгоценные минералы, скот, меха, драгоценные металлы, соль и т. д. Но история утвердила на этом месте один товар, оказавшийся во всех отношениях подходящим для этого.

«По мере того, как обмен товаров разрывает свои локальные границы и вместе с тем товарная стоимость вырастает в материализацию (воплощение) человеческого труда вообще, денежная форма переходит на товары, которые по своей природе особенно пригодны для выполнения общественной функции всеобщего эквивалента, а именно на благородные металлы.

«Что деньги по природе своей суть золото и серебро, хотя золото и серебро по природе—не деньги..., доказывается совпадением естественных свойств этих металлов с их общественными функциями.

«С другой стороны, так как различие стоимости по величине носит чисто-количественный характер, денежный товар должен быть приспособлен к чисто-количественным различиям, т. е. должен обладать такими свойствами, чтоб его можно было делить на произвольно мелкие части и вновь составлять из этих частей. Золото и серебро от природы обладают всеми этими качествами.

«Потребительная стоимость денежного товара удвоится. Наряду с особенной потребительной стоимостью, принадлежащей ему как данному товару—так, например, золото служит для пломбирования зубов, является сырым материалом для предметов роскоши и т. д.—он получает формальную потребительную стоимость, создаваемую его специфическими общественными функциями» («Капитал», т. I, стр. 59, перев. Стенянова).

Иными словами, денежный товар, золото, предмет потребления не только для пациентов дантиста и для покупателей ювелирных изделий, но и предмет потребления для общества. Поскольку стихия товарообмена этого общества уполномочивает золото на функции денег, на роль весовщика всех товарных стоимостей ¹⁾.

Но золото есть продукт труда, и как продукт труда оно столь же демократического происхождения, как и сапоги, материя, рожь и т. д. Оно имеет свою самостоятельную стоимость, создающуюся в процессе производства, и само может измерить свою стоимость лишь в других товарах. Как и всякий иной товар, золото может выразить величину своей собственной стоимости лишь относительно, в других товарах. Его собственная стоимость определяется рабочим временем, необходимым для его производства, и выражается в том количестве всякого иного товара, в каком кристаллизовалось столько же рабочего времени. Такое установление относительной величины стоимости золота фактически совершается на месте его производства, в непосредственной меновой торговле. Когда оно вступает в обращение в качестве денег, его стоимость уже дана» (Там же, стр. 61—62).

В приведенном выше уравнении в роли измерителя ценностей фигурирует холст. Но на его месте может быть любой товар одинаковой с ним по стоимости из приведенного ряда товаров первой половины уравнения. Товары соизмеримы потому, что в них есть нечто одинакового качества, есть затраченный человеческий труд. Соизмеритель ценностей—

¹⁾ Потребление здесь делается отчасти даже физическим, потому что золотые монеты стираются при частом и долгом употреблении.

деньги—возможен не потому, что на свете есть благородный металл—золото, а потому, что в товарах есть что соизмерять, они из самого производства выходят соизмеримыми, потому что в каждом кристаллизуются в том или ином количестве человеческого труд. «Не деньги делают товары соизмеримыми. Наоборот. Именно потому, что товары как стоимость представляют овеществленный человеческий труд и, следовательно, сами по себе соизмеримы,—именно поэтому они могут измерять свои стоимости одним и тем же специфическим особым товаром, превращая таким образом этот последний в общую меру своих стоимостей, т. е. в деньги. Деньги, как мера стоимости,—лишь необходимая форма проявления имманентной (присущей) товарам меры стоимости, рабочего времени» (Там же, стр. 63).

Но, обладая всеми свойствами, присущими каждому товару, металлические деньги не имеют лишь одного—не имеют цены. Если ценой мы называем денежное выражение стоимости товаров, то денежное выражение стоимости денег есть табулогия, масленое масло, 5 рублей золотом не может стоить ни 4, ни 6 рублей золотом, пять рублей стоит пять рублей. Это то же, что сказать: деньги есть деньги.

Мы видели, почему золото могло стать денежным материалом. Чтоб превратить денежный материал в монеты, необходимо разделить его на определенные весовые единицы. «Определенное весовое количество благородного металла, например, унц золота, официально разделяется на определенные части, которые и нарекаются при этом своим легальном крещении определенными именами, например, фунт, талер и т. д. Теперь единицу денежной меры в собственном смысле этого слова составляет уже каждая такая часть, подразделяемая в свою очередь на новые части, получающие из уст закона свои имена: шиллинг, пенни и т. д. Во всяком случае определенные весовые количества металла попрежнему остаются масштабом металлических денег. Изменяется только способ деления на части и наименование последних.

«Вместо того, чтоб сказать, что квартал пшеницы равен одному унцу золота, англичанин скажет, что он равен 3 фунтам стерлингов 17 шиллингов 10¹/₂ пенса» (Там же, стр. 70).

Золото, превратившись в денежный материал, а затем в золотую монету, служит средством измерения стоимостей товаров, а следовательно, в процессе товарообращения—средством обращения.

При существовании товарного хозяйства каждый производитель, будет ли то мелкий сапожник или владелец сапожной фабрики, самостоятельный слесарь или владелец паровозостроительного завода, является продавцом произведенных им товаров. Он является в то же время покупателем других товаров, производимых другим для продажи. Но чтоб купить другие товары, надо продать свои. Продать их, это значит превратить их в деньги, чтоб в свою очередь деньги превратить в товары. Рынок представляет из себя вечную кадрили, где одни товары замещаются в процессе обращения другими, и роль постоянной свахи, роль сводницы между ними играют деньги. Весь процесс выражается в короткой формуле Т—Д—Т.

Каждый отдельный товар, вступая в обращение, вскоре покидает его, будучи при посредстве денег обменен на другой товар. Его дальнейшая судьба не связана уже с рынком. Он либо потребляется людьми непосредственно, если это хлеб, масло, сапоги и т. д., либо поступает в промышленное потребление, т. е. в переработку, если это сырье, как железо, хлопок, лен и т. д. Но деньги, поскольку они фигурируют в качестве средства обращения, остаются в обращении. Правда, часть денег может отливаться за границу или в качестве сокровища оседать в хранилищах, но определенный минимум, поскольку товарообращение существует, всегда должен оставаться в каналах обращения.

Каков этот минимум и чем определяется количество денег, необходимое обращение?

Здесь мы подошли к одному из важнейших вопросов настоящего исследования. Каждый товар обменивается на деньги. Но отсюда отнюдь не следует, что для обращения товаров нужно количество денег в размере стоимости всех обращающихся товаров. Одна и та же сумма денег за известный срок времени, например, за месяц, может обернуться несколько раз, даже несколько десятков раз и таким образом стоимость товаров, которая пройдет через обращение

при посредстве денег, может превышать и фактически во много раз превышает стоимость денежного металла, и в этом при этой операции роль посредника. Стоимость самих денег, ее увеличение или уменьшение, а также увеличение или уменьшение общей цены обращающихся товаров, наконец, быстрота оборота денег—это все величины, которые определяют искомую нами величину стоимости минимума обращения. Соответствующий закон денежного обращения Маркс формулирует следующим образом:

«...За данный период процесса обращения масса денег, функционирующих в качестве средств обращения, равна сумме цен товаров, деленной на число оборотов одноименных монет» (Там же, стр. 90). «Если растет число оборотов монет, то уменьшается масса их, находящихся в обращении. Если падает число их оборотов, то растет их масса» (стр. 91).

«При всеобщем повышении товарных цен, масса средств обращения может остаться неизменной, если масса обращающихся товаров уменьшается в том же самом отношении, в каком возрастает их цена, или быстрота денег увеличивается пропорционально возрастанию цен, при чем масса обращающихся товаров остается постоянной. Масса средств обращения может уменьшаться, если масса товаров уменьшается или быстрота обращения увеличивается скорей, чем цены.

«При общем понижении товарных цен масса средств обращения может оставаться неизменной, если масса товаров увеличивается в том же самом отношении, в каком падает их цена; или если быстрота обращения денег уменьшается в том же самом отношении, как цены. Масса средств обращения может расти, если товарная масса растет или скорость обращения уменьшается быстрее, чем падают товарные цены.

«Вариации различных факторов могут взаимно компенсировать друг друга таким образом, что, несмотря на их постоянную изменчивость, общая сумма товарных цен, подлежащих реализации, остается постоянной, а потому остается постоянной и обращающаяся масса денег. Поэтому, особенно при рассмотрении сравнительно продолжительных периодов, масса денег, обращающихся в каждой данной стране, обнаруживает гораздо более постоянный средний уровень и гораздо менее значительные отклонения от этого среднего

уровня, чем можно было бы ожидать с первого взгляда; исключения составляют периоды сильных потрясений, которые вызываются промышленными и торговыми кризисами, реже изменениями в стоимости самих денег» (Там же, стр. 93).

Читатель должен помнить, что пока речь идет только о металлических деньгах. Ниже мы увидим, какое применение должен получить формулированный Марксом закон и все возможные здесь случаи к бумажному денежному обращению.

Итак, мы видим, что товарное обращение требует всегда некоторого минимума средств обращения. Сокращение количества обращающихся денег ниже этого минимума создает затруднение в обращении и вызывает ряд мер к увеличению количества денег. С другой стороны, увеличение денег выше необходимого количества устраняется легко путем отлива металла за границу или в различного рода хранилища частные или общественные; либо путем обращения металла в предметы роскоши.

От частого употребления монеты снашиваются. Золотая монета, которая весит допустим золотник, может потерять от долговременного употребления половину обозначенного на ней количества металла. Но это не мешает похудевшей монете быть полноценной в обращении. Когда покупатель берет эту монету, он рассчитывает так же сбыть ее, как получив, не предполагая реализовать заключающееся в ней золото в качестве металла. Монета имеет значение только как средство обращения в узком смысле и в этой своей функции может быть заменена бумажным денежным знаком.

«Если само обращение денег отделяет реальное содержание монеты от номинального содержания, отделяет ее металлическое существование от ее функционального существования, то в нем уже скрыта возможность заместить металлические деньги в их функции монеты знаками из другого материала или просто символами (стр. 97)... товар немедленно замещается другим товаром. Именно потому и оказывается здесь достаточным чисто-символическое существование денег, что этот процесс постоянно удаляет их из одних рук в другие. Функциональное существование денег поглощает, так сказать, их материальное существование. Представляя в данном случае мимолетное объективирование отражения товарных цен, они

существуют лишь как знаки самих себя, а потому могут быть замеены простыми знаками. Необходимо лишь, чтоб знак денег, как таковой, получил объективное общественное признание, и бумажный символ получает это последнее при помощи принудительного курса. Это государственное принуждение имеет силу лишь в границах данного общества или в сфере внутреннего обращения, но зато только здесь деньги вполне растворяются в своей функции средства обращения или монеты, а, следовательно, могут получить в виде бумажных денег вполне обособленную от их металлической субстанции и чисто-функциональную форму существования» (стр. 100—101).

Какое же количество бумажных денег может быть выпущено без риска их обесценения? На этот вопрос Маркс дает вполне исчерпывающий ответ, на основе которого можно понять не только все явления бумажно-денежного обращения в нормально капиталистическую эпоху по и основные моменты обесценения бумажек в период диктатуры пролетариата:

«Бумажные знаки, на которых напечатаны их денежные названия, как, например, 1 фунт стерлингов, 5 фунтов ст. и т. д., бросаются в процессе обращения извне государством. Поскольку они действительно обращаются вместо одноименных сумм золота, они отражают в своем движении лишь законы самого денежного обращения. Специфический закон обращения бумажных денег может возникнуть лишь из отношения их к золоту, лишь из того, что они являются представителями последнего. И закон этот сводится просто к тому, что выпуск бумажных денег должен быть ограничен тем их количеством, в каком действительно обращалось бы символически представленное ими золото (или серебро). Правда, количество золота, которое может быть поглощено сферой обращения, постоянно колеблется, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже известного среднего уровня. Однако масса средств обращения никогда не падает ниже определенного уровня, который может быть установлен опытом для каждой данной страны. То обстоятельство, что эта минимальная масса непрерывно изменяет свои составные части, т. е. составляется все из новых и новых золотых монет, конечно, несколько не

влияет на ее размеры и на устойчивость ее функций в сфере обращения. Следовательно, она легко может быть замещена бумажными символами. Но если мы сегодня наполним бумажными деньгами все каналы обращения, до степени их полного насыщения деньгами, то завтра, вследствие каких-либо колебаний в товарном обращении, они могут оказаться переполненными. Всякая мера утрачивается. Но если бумажки преступали свою меру, т.е. то количество одноименных золотых монет, которое действительно могло бы находиться в обращении, то, не говоря уже об опасности их общего дискредитирования, они теперь представляют в товарном мире лишь то количество золота, которое вообще может быть ими представлено, т.е. количество, определяемое имманентными законами товарного мира. Если, например, данная масса бумажек представляет по своему названию 2 унца золота, а реально замещает 1 унц, то фактически 1 фунт стерлингов становится денежным названием, скажем: $\frac{1}{8}$ унца вместо прежнего $\frac{1}{4}$ унца золота. Результат получится тот же самый, как если бы золото потерпело изменение в своей функции меры цен. Те самые стоимости, которые раньше выражались в цене, равной 1 ф. ст., выражаются теперь в цене, равной 2 фунтам стерл.

«Бумажные деньги представляют знак золота или знак денег. Их отношения к товарным стоимостям состоят в том, что последние идеально выражаются в тех самых количествах золота, которые получают в бумажках чувственно воспринимаемое символическое выражение. Бумажные деньги лишь постольку знак стоимости, поскольку они представляют известное количество золота, которое, как и всякая товарная масса, есть в то же время количество стоимостей» (Там же, стр. 98—99).

Ошибка Гильфердинга.

Прежде чем перейти к применению Марксовой теории денежного обращения к конкретным фактам из практики денежного обращения и к денежному обращению эпохи пролетарской диктатуры, мы остановимся попутно на попытке Гильфердинга «углубить» Маркса в вопросе о теории бу-

мажного денежного обращения. В примечании к одной цитате, из 3-го тома капитала Гильфердинг пишет: «читая некоторые замечания Маркса о проблеме денег, получаешь также впечатление, как будто известные выводы, вытекающие из его теории денег, ведут в его сознании борьбу против взглядов, которые навсены эмпирическим материалом его времени и не могли быть окончательно устранены исключительно логическим способом. Новейшие опыты как раз подтверждают и последние выводы, которые могут быть сделаны из Марксовой теории стоимости денег.

«Если Маркс подчеркивает, что в обращении может быть лишь столько бумажных денег, сколько оно требует золота, то для понимания современных явлений в рассматриваемой области необходимо напомнить, что и само это количество золота, раз стоимость его есть величина данная, во всякий момент определяется общественной стоимостью обращения; если она понижается, то золото отливает из обращения, если наоборот, то наоборот. При бумажно-денежном обращении и блокированной системе вообще не могло бы происходить этих приливов и отливов в сфере обращения и из нее, потому что необращающийся бумажный знак был бы ведь малоценным. Следовательно здесь необходимо обратиться, как к определенному моменту, к стоимости обращения, здесь невозможно удовлетвориться рассмотрением денежного знака, как простого символа золота, что замечается у Маркса в «Kritik der Politischen Oekonomie».

«Мне кажется, что правильной всего формулировал Маркс законы бумажного (или с приостановленной чеканкой) денежного обращения, когда он говорит: «не имеющие стоимости марки суть знаки стоимости лишь постольку, поскольку они представляют в процессе обращения золото, а они представляют его лишь постольку, поскольку последнее в виде монеты могло бы само войти в процессе обращения: величина, определяемая собственной стоимостью золота, если даны меновые стоимости товаров и быстрота их метаморфоз» («Zur Kritik», стр. 113). Излишним представляется только тот обходный путь, в который пускается Маркс, определяя сначала стоимость необходимого количества монеты и лишь через нее — стоимость бумажных денег. Чисто общественный ха-

рактер этого определения выступает много ясней, если стоимость бумажных денег выводить непосредственно из общественной стоимости обращения. Что бумажно-денежные системы возникли из металлических систем, это вовсе не основание рассматривать их так и теоретически. Стоимость бумажных денег следует вывести, не прибегая к металлическим деньгам» (стр. 66—67, перевод Степанова).

Ошибка Гильфердинга совершенно очевидна на следующем примере.

Допустим, перед нами государство, где свободная чеканка монеты запрещена, скажем та же Австрия 70 г. и Индия 90 г. (на примере которых Гильфердинг убедился в «недостаточности» теории Маркса). Предположим, в обращении находится товаров на 10 миллиардов. Это обращение вполне удовлетворяется наличием или золотой монеты на 1 миллиард, или кредитными билетами государства на эту же сумму, или и золот. и бумажн. деньгами вместе на ту же сумму. Предположим далее, что вследствие расширения производства количество обращающихся товаров возрастает на половину, достигая 15 миллиардов. При условии, что быстрота оборота денег осталась старая и не прибавилось возможностей безденежного расчета, для обслуживания обращения нужно добавочное количество денег, которое может быть выпущено государством в виде бумажных денег. В каком количестве?

На это Маркс отвечал бы так: в количестве, которое соответствует количеству золотой монеты, которая требует для обслуживания усилившегося обращения.

На это открывший «более короткий путь» Гильфердинг отвечает: в количестве, которое соответствует общественной стоимости обращения.

«Но позвольте,—вынуждены мы спросить Гильфердинга, чем же определяется общественная стоимость обращения? Если количество товаров возросло на половину и все прочие условия остались неизменными, то значит ли это, что государство на половину может выпустить больше и бумажных денег, т. е. полмиллиарда в добавок к имеющемуся в обращении миллиарду, не рискуя обесценением их?»

Конечно, это не так. Увеличение товаров на половину не означает приращения общественной стоимости на половину.

Вследствие прогресса техники и других улучшений общественной стоимости товаров, образующих прирост в обращении, может быть значительно ниже, чем их количество. От этого будет зависеть и та пропорция, в которой должна увеличиться общественная стоимость обращения. Как же измерить эту величину?

Увы, нам должно помочь все то же золото, потому что в буржуазном обществе не принято системы счета по числу затраченных общественно необходимых часов работы, которыми мы оперируем в нашем теоретическом анализе капиталистического производства, а другие ценности, кроме отчасти серебра, не уполномочены на функции определителей цен. Общественно необходимая стоимость обращения—это сумма товарных стоимостей быстрота оборотов денег

Но ведь числитель этой дроби должен быть выражен как раз в золоте, а не в каких-либо австрийских гульденах или индийских рупиях, курс которых и его изменения как раз и надо определить. Следовательно, и числитель и частное от деления числителя на знаменателя будет величина, выраженная в золотой валюте. Без презренного металла таким образом не обойтись и Гильфердингу. И то, что ему кажется недостатком в системе Маркса, именно то, что Маркс все законы бумажного денежного обращения выводит из металлического обращения, как раз и составляет достоинство Маркса. Осторожность Маркса, который пускается в «обходный путь», объясняется не тем, что его сознание находилось под впечатлением эмпирического материала в области денежного обращения его времени (как сознание Гильфердинга находится под эмпирическим впечатлением метаморфоз с австр. гульденом), а тем, что при объяснении явлений бумажного денежного обращения Маркс имеет все время в виду всю экономическую систему буржуазного общества в его целом. Он ни на минуту не упускает из виду при объяснении законов обращения условий производства, представляющих базис всей постройки. Протаскивание золота, это есть восстановление звена, которое связывает судьбу бумажек с законами товарного производства, потому что золото есть не только мерило ценности, но и ценность само по себе, получающая эту

ценность из производства на основе общих законов трудовой ценности¹⁾.

И как раз недостаток построения Гильфердинга заключается именно в том, что в пункте, где он расходится с Марксом, он сходится с буржуазными экономистами, которые обычно рассматривают денежное обращение и его законы, как самодовляющийся мир, оторванный от базы производства, и потому неизбежно приходят к нелепым выводам.

Как бы предчувствуя то «углубление», которому могла подвергнуться его теория денег, Маркс в 90-м примечании ко 2-му изданию I-го тома Капитала писал: «Насколько смутно различают различные функции денег даже самые лучшие писатели по вопросу о деньгах, показывает, напр., следующее место из Фуллартона: «Поскольку дело касается нашей внутренней торговли, все те денежные функции, которые обыкновенно выполняются и серебряной монетой, могут быть с таким же успехом выполнены обращением неразменных билетов, имеющих лишь фиктивную и условную стоимость, установленную законом. Это—факт, которого, я думаю, никто не станет отрицать. Стоимость такого рода вполне могла бы удовлетворить потребности, которые в настоящее время удовлетворяются полноценными монетами, и даже могли бы исполнять функции мерил стоимостей ее цен, если б только количество выпускаемых в обращение билетов не приходило за должные пределы» (Fullarton, «Regulation of Currencies», 2 ed., Londre 1875, p. 21). Следовательно, лишь потому, что денежный товар может быть замещен в обращении простым знаком стоимости, он не нужен ни как мерило стоимости, ни как масштаб цен!» («Капитал», стр. 100). Правда, Гильфердинг не утверждает, что бумажные деньги могут быть мерилом стоимости в буржуазном обществе, более того, он подчеркивает «невозможность абсолютно бумажно-денежной системы», но этим самым он лишь доказывает, что не свел конца с концами и не уяснил себе, что может заменить золото в

1) В данном случае золото важно как мерило стоимости и стихийный расценщик товаров. Принципиально рассуждая, в этой роли может выступить любой товар, имеющий стоимость сам по себе. Но на практике в капиталистическом обществе, кроме золота, никакой другой товар, за исключением отчасти серебра, не выполняет этой функции в процессе обмена.

качестве той нити, которая связывает обращение с производством, позволяя проследить все изменения в обращении в свете процесса производства ¹⁾).

Вместо того, чтоб передразнивать на протяжении всей книги неподражаемый стиль Маркса, Гильфердинг лучше бы позаботился понять для первых глав своего труда смысл Марксовой теории денежного обращения. Факты из истории австрийского серебряного гульдена и индийской рупии вполне объяснимы с точки зрения теории Маркса, если ее и не подвергать «улучшениям». Наоборот, ни один факт из истории обесценения бумажных денег нельзя понять со всех его сторон, если в основе анализа, в качестве исходного пункта не будут лежать законы металлического денежного обращения, т.-е. законы реального товарообмена, которые и определяют судьбу всех бумажных денежных систем.

II.

Бумажные деньги и их курс.

Выше мы видели, что выпуск бумажных денег, как правило, не может привести к падению их курса, если выпущено денег на такую сумму, которая соответствует сумме необходимого для обращения количества золотой монеты. Роль бумажных денег в этом случае роль заместителей золотой монеты. В обращении находятся настоящие реальные ценности, товарные ценности и поскольку каждый бумажный

Кауцкий вполне правильно указал еще в 1911 г. в своей рецензии на книгу Гильфердинга (Neue Zeit, март 1911 г. стр. 771—772) на то, что построения Гильфердинга пробивает брешь в теории трудовой стоимости: не деньги оказываются мерилом стоимости товаров, а товары мерилом стоимости денег. „Академический выверт“ (Academische Schrulle) Гильфердинга, как называет Кауцкий его „поправку“ к Марксу, бьет гораздо дальше, чем хотел бы сам автор „Финансового капитала“. Правда, Гильфердинг усиленно подчеркивает, что законы бумажного и законы металлического обращения не надо смешивать. Он не доказал только, как можно, оставаясь на почве введенных им законов бумажного денежного обращения, не сделать логически неизбежной ревизию и законом металлического обращения. Между прочим читатель увидит дальше, что без „протаскивания“ золота немислимо не только теоретически, но и практически разобраться во всех явлениях бумажного денежного обращения периода пролетарской диктатуры.

денежный знак является лишь заместителем золотого денежного знака соответствующей стоимости, который в любую минуту может вынурнуть, если потребуется, или из сокровищниц банков, или из частных денежных шкапов, или из-за границы и обмен на циркулирующие на рынке товарные ценности, постольку курс бумажных денег не может отклоняться скольконибудь существенно от золотой валюты. Выглянувший золотой кружок, показавший свое лицо в цене того или иного товара, дает сравнить себя с своей копией—бумажкой, и в рассматриваемом случае может лишь подтвердить, что копия как две капли воды похожа на оригинал. На 5 рублей золотом можно купить те же сапоги, что за 5 рублей бумажкой.

Однако из истории денежного обращения мы знаем, что рыночное самочувствие бумажного рубля, гульдена, франка, марки, кроны и т. д. далеко не всегда бывает столь хорошим. Для граждан Советской республики это особенно хорошо известно. В 1920 г. они имеют рубль, который сохранил менее одной пяти тысячной своей довоенной стоимости. История денежного обращения знает и увеличение курса бумажек выше их металлических оригиналов.

Чтобы объяснить наиболее типичные моменты в колебаниях бумажного денежного курса, рассмотрим все основные теоретически возможные случаи в наиболее упрощенном виде.

Представим себе страну, весь товарный фонд которой, находящийся в обращении, равен 40 миллиардам (фабрикаты, машины, заводы, дома, земля, железные дороги и т. д.).

Некоторая часть этих ценностей может обернуться в течение года несколько раз, некоторая в пять лет раз. Допустим, для обращения этих ценностей, при наличии различных способов безденежных расчетов, достаточно иметь в обращении денег на 2 миллиарда рублей, из которых миллиард золотом, миллиард в бумажных деньгах. И бумажные деньги равноценны металлическим. Если мы за основу возьмем наш случай, характерный для денежного обращения капиталистической страны, находящейся в нормальных условиях, то изменения в курсе бумажных денег могут проистекать либо от изменения количества обращающихся товаров, либо от количества выпущенных бумажных денег, либо от быстроты оборота денег.

Так как быстрота оборота денег гораздо менее подвержена колебаниям, чем две другие величины, то для упрощения мы будем рассматривать эту величину, как неизменную.

Первый случай. Мы имеем за исходный пункт равновесие 40 милл. обращающихся ценностей с 2 миллионами средств обращения, т.е. денег. Иными словами

40 миллионов Т. ~~.....~~ 2 милл. Д
(товар) (соответствуют) (деньги).

Допустим сначала, что изменения происходят в величине Т, а Д остается без движения.

Второй случай. Если вследствие расстройств производства на почве войны, кризиса и т. д. Т уменьшается и вместо 40 миллиардов мы имеем только 30 миллиардов, то равновесие будет нарушено. Что произойдет тогда в сфере Д? Раз число обращающихся товаров уменьшилось на одну четверть, то на одну четверть требуется меньше и средств обращения. Каким же образом произойдет это вычитание из области денег, раз количество их остается старое? Только одним путем, путем обесценения денег на одну четверть их общей суммы, т.е. на 500 миллионов. Но золото не может обесцениться, потому что оно имеет самостоятельную ценность не только в качестве мерил других ценностей, но и как золото, как драгоценный товар. Следовательно, удар судьбы придется выдерживать бумажкам.

Золото в описываемом нами случае обыкновенно либо исчезает из обращения без вмешательства государства, либо государство приостанавливает свободный обмен бумажек на золото ввиду общего стремления публики и торгового мира удерживать золото, сбывая бумажки. Чтоб проследить влияние сокращения Т на курс Д в описываемом нами теперь случае, нам приходится представить себе в дальнейшем в обращении не 2 миллиарда денег, из которых половина бумажек, а половина золото, а 2 миллиарда бумажек.

В истории бумажного денежного обращения буржуазных стран характерно именно такое положение, потому что во время, например, войны золото запирается под замок Государственного банка, устанавливается принудительный курс на бумажки и увеличивается их количество новыми выпусками.

В результате, если мы будем иметь из 2-х миллиардов денег в обращении 500 миллионов лишних, то-есть лишних одну четверть, или на 25%, то и курс бумажного рубля упадет на 25%. Иными словами, бумажный рубль будет стоить 75 копеек в переводе на золотой рубль.

Пашка на бумажном денежном рынке может разразиться настолько большая, что автоматически, стихийно (как и всегда в буржуазном хозяйстве) обесценение бумажных денег может пойти дальше, чем это вызывается экономическими причинами. Но в рассматриваемом нами случае обесценение бумажных денег на одну четверть будет приблизительно той осью, вокруг которой будут происходить колебания в ту или другую сторону.

Другая же сторона — это тот случай, когда обесценение может и не дойти до 75% на золото, когда падение курса будет задерживаться рядом причин (например, владельцы бумажных денег, уверенные во временном характере кризиса, не будут панически сбывать бумажки, они будут подвергаться накоплению и т. д.).

Третий случай. Число товаров, поступающих в обращение, увеличивается, а способов безденежных расчетов не прибавилось. Число денежных знаков остается без изменения. Допустим, в числах это будет выражено так: $T=50$ миллиардов, т.-е. на одну четвертую часть больше, чем раньше. Средства обращения, как и раньше 2 миллиарда. Для удовлетворения потребности обращения нужно добавить 500 миллионов рублей денег. Что произойдет, если эти добавочные деньги не появятся в обращении из-под печатного станка государства? Необходимое количество денег может прилить в страну из-за границы, потому что расширение производства и увеличение циркулирующих товаров будет означать, как правило, оживление внешней торговли. Часть денег поступит из хранилищ всякого рода, усилится употребление векселей, акций и проч. в качестве средств расчета. Если же всего этого окажется недостаточно, то может наступить положение, когда внутри государства, где запрещена вольная чеканка монеты из золота и серебра, а государство не увеличивает само чеканки, и государственная металлическая монета и бумажные деньги могут подняться выше нормального курса. В нашем примере, если из 500 миллионов на 300 миллионов будет

функционировать больше векселей, изъятых из хранилищ денег, а притоком их из-за границы средств обращения на 200 миллионов денежный голод не будет удовлетворен, то в соответствующей пропорции, т.-е. приблизительно на 10⁰/₀, может временно подняться курс всей денежной валюты государства, и бумажной и металлической. Под этот второй случай можно подвести увеличение курса австрийского гульдена и серебряной индийской рупии, анализированное Гильфердингом в его книге («Финансовый капитал», стр. 39—48, русского издания).

Четвертый случай. Количество обращающихся товарных ценностей остается неизменным, т.-е. 40 миллиардов, количество же денег в обращении сократилось на одну четверть. Например, правительство вздумало несвоевременно изъять из обращения 500 миллионов бумажек, стремясь перейти исключительно к золотой валюте. Результат будет совершенно тот же, что и в третьем случае, и этот четвертый случай по существу можно рассматривать лишь как вариант, как разновидность третьего.

Пятый случай. Количество обращающихся товаров остается без изменения, количество же бумажных денег увеличилось вследствие нового выпуска на 500 миллионов. Этот случай можно рассматривать лишь как разновидность второго случая. Там товаров в обращении меньше, чем нужно, на 10 миллиардов. Здесь денег на 500 миллионов больше, чем нужно. Результат как и здесь, так и там будет одинаковый: излишек денег в обращении и обесценение бумажных денег.

Теперь рассмотрим примеры, когда изменяется и количество товаров в обращении, и количество обращающихся денег.

Шестой случай. Количество товарных ценностей в обращении увеличилось с 40 до 50 миллиардов, т.-е. на одну четверть. Количество денег путем выпуска на 500 миллионов бумажек увеличилось также на одну четверть. Если для упрощения мы предположим, что быстрота обращения остается без изменения и способов безналичного обращения не прибавилось ¹⁾, то бумажный рубль не упадет в цене, если на

¹⁾ Можно взять пример и с учетом этих фактов. Например, бумажек выпущено на 800 миллионов; пусть тогда 300 миллионов обслуживаются увеличением средств безналичного расчета и большей быстротой оборотов, а на 500 миллионов необходимо увеличить средства обращения.

500 миллионов государство выпустит новых бумажных денег. Примеров из практики, соответствующих этому случаю, можно привести сколько угодно. В истории финансовой политики нашего царизма неоднократно бывало, что министерство финансов выпускало для усиления своих доходов новые серии бумажных денег в сравнительно скромных размерах и это не вызвало падение курса бумажного рубля. Происходило это вовсе не потому, что бумажек имелось в обращении не больше, чем в три раза в сравнении с металлической наличностью Государственного банка, как объясняли дело финансовые дельцы буржуазного мира и финансовые «теоретики» капитализма, а исключительно потому, что увеличение количества товаров в обращении позволяло «переварить» бумажные шлюли государства без всякого ущерба для курса рубля. Если бы золотого покрытия было в Государственном банке гораздо меньше отношения одного к трем, результат был бы, при прочих равных условиях, тот же самый. И наоборот, выпуск бумажек свыше того, что требовалось увеличившимся товарооборотом, приводил всегда к падению курса рубля.

Седьмой случай. Т увеличивается и Д увеличивается. Но Т увеличивается в большей пропорции, чем Д. Допустим, товаров в обращении на 50 миллиардов, а денег не $2\frac{1}{2}$ миллиарда, а 3. Бумажных денег мы имеем больше, чем требует обращение. Перед нами вариант второго случая. Царское правительство имело продолжительное знакомство с этим вторым случаем из своей финансовой практики. Много раз в своей истории царское правительство забегало в своих выпусках бумажных денег гораздо дальше того, что позволяло расширившееся на основе развившегося торгово-промышленного капитализма товарное обращение, и каждый раз его осаживало назад падение курса бумажного рубля. Например, усиленный выпуск бумажных ассигнаций при Александре I привел в 1810 г. к падению бумажных денег до $25\frac{2}{3}$ коп. на серебряный рубль. После многократных случаев изъятия бумажных денег при Николае I и Александре II курс их поднимался, и снова катастрофически пал во время русско-турецкой войны в результате усиленного выпуска кредиток.

Восьмой случай. Т увеличивается быстрее, чем Д. Равно-

весие нарушается в том смысле, что денег в обращении делается недостаточно. Это вариант третьего случая

Девятый случай. Т уменьшается, а Д увеличивается.

Десятый случай наиболее типичен для всех периодов более или менее глубоких революций и особенно продолжительных и разорительных войн, потому что во все такие моменты наблюдается сокращение или распад промышленности, уменьшение количества находящихся в обращении товаров, при огромной потребности в новых налогах со стороны правительства и при полной невозможности собрать эти налоги обычными путями. Под этот случай подходит вся история ассигнатов Великой французской революции, бумажная австрийская валюта в период 1813—1816 годов, бумажная денежная система почти всех участников мировой войны 1914—1919 г. г. и в том числе история нашего бумажного рубля за период с начала войны по настоящее время.

Приведем некоторые наиболее характерные цифры.

Количество выпущавшихся по годам ассигнатов Великой французской революции и быстрота их обесценения видны из нижеприводимой таблицы, при чем курс ассигнатов берется в гамбургской (золотой) валюте (Фалькнер-Смит, «Бумажные деньги французской революции», стр. 189—191).

Год и месяц.	Количество выпущенных ассигнатов в ливрах.	Курс ассигнатов (100 ливр. в металле).
1 августа 1789 г.	120.000 тыс.	98
1 октября 1790 „	400.000 „	91
1 октября 1791 „	1.151.000.000 „	84
1 августа 1792 „	1.800.000.000 „	61
1 августа 1793 „	3.775.846 „	22
1 августа 1794 „	8.577.705 „	34
1 августа 1795 „	17.466.553 „	3 ливра 5 су
1 июня 1796 „	45.578.809 „	3 су 9 денёе ¹⁾

¹⁾ В ливре 20 су, в су 12 денёе.

Таким образом ассигнаты начали бойкотироваться обращением после того, как пали в цене приблизительно в шестьсот раз. (Наш рубль, утративший приблизительно $\frac{1}{5000}$ довоенной стоимости, продолжает еще держаться.)

В Австрии курс бумажных денег (так называемых антиципационных билетов) в связи с их усиленным выпуском менялся следующим образом:

	Сумма.	Курс (цена 100 серебряных гульденов в бумажках).
В декабре 1813 г.	295.588.020	183
„ „ 1814 „	457.612.790	228
„ „ 1815 „	610.065.980	331
„ „ 1816 „	638.715.920	328

Иными словами, бумажные деньги пали в цене приблизительно в три раза (Н. Силин, «Австро-венгерский банк», стр. 7).

О размерах выпуска бумажных денег европейскими странами во время войны, и в некоторых и после войны, а также о соотношении между количеством бумажек в обращении и ценами дают представление следующие цифры:

	Бумажн. денег имелось в обрац. на 1-ое января 1919 г.	в 1920 г.
Англия	393 миллиарда фунтов.	
Германия	32 $\frac{1}{4}$ „ марок —	61,7 миллиардов (апрель).
Франция	31.050 „ „	
Австрия	35.588 „ крои.	
Польша	5 267 „ марок —	20 миллиардов (май).
Италия	18 „ лир	(ноябрь).

По подсчету национального нью-йоркского банка за время войны количество бумажных денег на мировом рынке увеличилось на 600%, тогда как золотой запас возрос всего на 40%. В 1914 году количество бумажных денег в обороте составляло 7.250 миллионов долларов, в ноябре 1918 г. уже 40.000 миллионов, в декабре 1919 г. 50.000 миллионов. В это число не вошли бумажные деньги России.

Характерно возросло количество бумажных денег в Польше.

1 января 1919 г.	5.267	млн. злотых
1 марта 1920	8.185	" "
1 апреля 1920	11.000	" "
31 мая 1920	20.000	" "
1 августа 1920	28.000	" "
20 сентября 1920	30.700	" "

Бумажная валюта Польши с полной очевидностью идет к катастрофе, если выпуски будут продолжаться и дальше.

Кроме Польши, катастрофически быстро растет количество бумажных денег в Германии, Австрии и Италии. В Италии к началу войны бумажных денег в обращении было до 2,8 миллиардов лир, а в ноябре 1919 г. было уже 18 миллиардов.

О падении курса бумажных денег можно судить по росту дороговизны. Правда, цены продуктов за время войны поднялись и в золотой валюте, как особенно это ярко сказалось в Швеции. Тем не менее приводимая ниже таблица дает все же довольно отчетливое представление о росте цен в связи с выпусками бумажек.

Если довоенные цены и количество бумажек в обращении принять за 100, то в 1919 году по разным месяцам в разных странах картина представится следующая:

1919 г.	Увеличение бумажек в процентах.	Рост цен в процентах.
С. Штаты (май)	173	181
Англия (август)	244	217
Франция (июнь)	365	293
Италия (апрель)	440	281
Швейцария (июнь)	230	250
Швеция (апрель)	275	336
Германия	875	1.000
Австрия	3.900	4.000

О росте дороговизны по годам дает представление следующая таблица:

	Англия.	Франция.	С. Штаты.	Швеция.	Польша.
Июль 1914 г.	100	100	100	100	100
Ноябрь 1918 "	233	237	249	320	—
Январь 1919 "	230	248	259	339	—
Январь 1920 "	236 ¹⁾	290	275	298	—
Май 1920 "	374,2	—	—	—	4.000
1 авг. 1920 "	358	—	—	—	—

Все эти цифры являются реальным примером для рассматриваемого нами девятого случая, когда выпуск бумажных денег увеличивается одновременно с сокращением производства и уменьшением товарного фонда на рынке. Но если увеличение количества бумажек в обороте легко узнать путем соответствующей справки в министерстве финансов той или иной страны, то о сокращении производства, а тем более о сокращении рыночного товарного фонда точных сведений нельзя получить ни для одной буржуазной страны. О размерах сокращения T косвенно можно было бы получить представления лишь для тех стран, где до военного кризиса бумажные деньги имелись в обращении, были равноценны золотой монете и за все время войны число бумажек не увеличивалось государством. Мы имели бы тогда неподвижным D и благодаря этому по изменениям в стоимости D могли бы косвенно судить об изменениях в T . Обесценения бумажного рубля было бы прямым следствием сокращения производства и обращения товаров.

Остановимся более подробно на общей характеристике девятого случая вообще.

Когда производство падает, количество товарных ценностей, вступающих в процесс обращения, сокращается, то новый выпуск бумажных денег, разумеется, вызван не нуждами

¹⁾ По данным „Economista“ 334,7.

обращения, наоборот, обращение пуждается в сокращении уже имеющегося в оборотах количества денег, потому что только этим путем возможно задержать падение их курса. Выпуск вызывается потребностями государства получить необходимые средства хотя бы ценой расстройств всей денежной системы государства. А так как сами бумажные деньги не есть товарные ценности, их нельзя есть, их нельзя употреблять в качестве орудий производства, то единственный смысл их усиленного выпуска заключается только в том, что через них можно извлечь из обращения необходимое для государства, необходимое для служащих, рабочих и армии государства количество реальных ценностей. Выпуск бумажных денег есть, таким образом, особый вид налога, накладываемого на общество и взимаемого без податных инспекторов, милиции и судебных приставов. Но этот вид налога имеет свои особенности, без понимания которых ничего нельзя понять в бумажной системе революционного периода.

Чтоб ясней представить всю картину экономического значения выпуска бумажных денег в рассматриваемом случае и прогрессивно их обесцениения, возьмем наш числовой пример и поставим его под удары промышленной разрухи с одной стороны, увеличения выпуска бумажных денег — с другой. Итак, допустим, мы имеем за исходный базис 1-ый случай, т. е. в процессе обращения на товарном рынке 40 миллиардов, в каналах денежного обращения 2 миллиарда. Пусть для упрощения эти 2 миллиарда будут состоять исключительно из бумажек, однако бумажек, равноценных по покупательной способности золотым деньгам. На рисунке это можно изобразить в виде нарисованного прямоугольника, где белая часть изображает товарное обращение в 40 миллиардов, а заштрихованные — бумажные деньги на 2 миллиарда, т. е. площадь в двадцать раз меньшую.

40 миллиардов

Предположим теперь, что правительство выпускает на два миллиарда новых бумажек; и допустим, ему удалось сразу реализовать их, т. е. получить из обращения соответствующее количество товаров и притом по старой, т. е. нормальной, цене (этого на практике в описываемых случаях никогда не бывает в полном объеме, потому что на выпуск денег рынок очень скоро отвечает повышением цен). Допустим также на одну минуту для упрощения, что число товаров в обращении остается перед выпуском в 40 миллиардов. Наш рисунок примет тогда другой вид:

38 миллиардов.

Иными словами: выпуск денег на 2 миллиарда, поскольку их удается реализовать на рынке по полной стоимости, отрезает от обращения кусок в 2 миллиарда товарных ценностей. Следовательно, число бумажных денег возросло, число товарных ценностей в обращении сократилось.

Но это число должно сократиться еще в большей степени потому, что в рассматриваемом девятом случае мы имеем сокращение товаров и по другой причине, по причине расстройства производства. Представим это себе на числах так:

Бумажных денег 4 миллиарда, а товаров в обращении уже не на 40 и не на 38, а на 30 миллиардов.

Как это все должно отразиться на падении курса денег?

От увеличения денег в два раза их курс должен пасть в два раза. От уменьшения товаров в обращении на одну четверть курс денег пасть еще больше, насколько тогда должен пасть курс бумажек?

Если в обращении товаров на 30 миллиардов, то для сохранения полной ценности денег, согласно исходному положению, нужна лишь одна двадцатая. Раньше это было $\frac{40}{20} = 2$;

теперь мы будем иметь $\frac{30}{20} = 1\frac{1}{2}$ миллиардам. Между тем

в обращении у нас уже 4 миллиарда, т.-е. в 2,66 раз больше. В соответствующей пропорции должен пасть и курс рубля. Иными словами: 1 полноценный рубль будет равен 2,66 бумажных рублей, или бумажный рубль будет стоить всего около 37,6 копейки.

Новый год начинается, таким образом, при наличии в обращении товаров на 30 миллиардов, считая полноценными рублями. В бумажках же эти товары будут стоить уже не 30 миллиардов, а $30 \times 2,66$, т.-е. 79,8 миллиардов. Предположим, что правительство, для ведения войны и для всех остальных расходов, нуждается в новом году опять в 2 миллиардах налогов, которых оно не в состоянии собрать нормальным путем, и вновь вынуждено черпать средства путем выпуска бумажек. Чтобы получить из обращения ценностей на 2 миллиарда полноценными рублями, ему приходится уже теперь выпускать не на 2 миллиарда, а на $2 \times 2,66 = 5,32$ миллиарда.

Допустим, эта сумма выпущена, посредством этих 5,32 миллиардов с обращения срезано 2 миллиарда товарных ценностей. Допустим, развал промышленности продолжается; кроме того, торговцы начинают припрятывать товары, не желая превращать их в деньги, курс которых непрерывно падает, и число товаров в обращении сокращается. Из 30 миллиардов 2 миллиарда изъяты через бумажные деньги правительством, пусть по вышеизложенным причинам из обращения ушло еще на 8 миллиардов товаров. Тогда к концу второго года мы будем иметь бумажек в обращении на 9,32 миллиардов и товаров (считая товары в полноценных рублях) на 20 миллиардов. При таком положении, когда для обращения нужна попрежнему лишь одна двадцатая часть, т.-е. в данном случае один миллиард, мы имеем 9,32 миллиарда. А это будет означать, что рубль бумажный будет стоить приблизительно 10,7 копейки ¹⁾.

¹⁾ Как я уже указывал, при паническом падении курса, это обезцененное может пойти и дальше, может, наоборот, несколько задержаться. Например, можно считать бесспорным тот факт, что наше крестьянство, увлекшись в первые годы войны накоплением денег в ожидании поднятия курса их, потеряло на этом миллиарды рублей, но способствовало замедлению темпа их бесценения.

Третий год начинается поэтому при следующей ситуации. Бумажек в обращении на 9,32 миллиарда, товаров в полноценных рублях на 20 миллиардов, но в бумажной валюте эти 20 миллиардов стоят уже $20 \times 9,32 = 186,4$ миллиарда.

Допустим, правительство попрежнему нуждается для получения пужных доходов в выпуске бумажных денег. Чтоб выудить из обращения товарных ценностей на два миллиарда по курсу полноценного рубля, т.е. $\frac{1}{10}$ часть всего товарного обращения, ему нужно выпустить бумажек на одну десятую всей бумажно-денежной стоимости обращения, т.е. $\frac{184,4}{10} = 18,44$ миллиарда. Предположим, что правительство на третьем году выпускает бумажек на эту сумму. Предположим далее, что число товарных ценностей, исчезающих из обращения, вследствие расстройств производства, уменьшилось с 8 до 3-х, т.е. в этом отношении наступило некоторое улучшение. К концу года мы будем иметь тогда в обращении бумажек на $18,44 + 9,32 = 27,76$ миллиардов, товарных ценностей в полноценных рублях на 15 миллиардов. Для оборота этих 15 миллиардов в обращении нужно всего $15 : 20$ миллиарда полноценных рублей или 750 миллионов. В обращении же имеется 27,76 миллиардов, т.е. в $\frac{27,76 \times 20}{15}$ раз больше, или приблизительно в 37 раз больше, чем нужно. Курс рубля будет равен 2,7 копейки.

Остановимся пока на этом. Из сделанного нами теоретического анализа на произвольно взятых примерах видна однако в главных чертах вся механика обесценения бумажных денег и действие основных причин, вызывающих это обесценение. Не загромождая дальше изложение числовыми примерами, мы можем теперь уже ясно представить себе, как в дальнейшем будет развиваться начавшийся процесс. Здесь возможны несколько случаев, на которых мы должны будем немного остановиться.

1) Если выпуск бумажек будет продолжаться и дальше, а в то же время непрерывно будет сокращаться товарный фонд, находящийся в обращении, то стоимость бумажного

рубля дойдет до нуля. Это могло бы случиться в социалистическом обществе, если-б ему быстро удалось овладеть всем товарообменом.

Это может случиться в своеобразной форме и в буржуазном обществе, если обесценившиеся до крайности деньги будут попросту выброшены из обращения как путем развития непосредственного товарообмена, так и появлением в сфере обращения скрывавшегося в худые дни золота. Последний случай мы имеем возможность изучать на истории ассигнатов Великой французской революции, когда в 1796 году, при наличии в обращении 44 миллиардов, на седьмом году существования ассигнатов начался бойкот их на товарном рынке и все бумажные ценности оказались приравненными к ценности содержащейся в них бумаги.

II) После более или менее продолжительного потрясения буржуазное хозяйство вновь начинает оживать, прежде всего, допустим, приостанавливается процесс развала производства, затем начинается его расширение и это приведет в один прекрасный момент к тому, что T , скатившееся у нас до 15 миллиардов, начинает увеличиваться. С другой стороны буржуазное государство, освободившись от чрезвычайных расходов, вызванных войной, революцией и т. д. и укрепивши свою власть, в состоянии получать налоги в другой форме, не прибегая к выпуску бумажек. Более того, под давлением торгово-промышленных кругов оно делает отчаянные попытки освободить денежное обращение от бумажного балласта, начинает выбирать из обращения бумажки, покупая их на металлы и подвергая сожжению. При таких условиях в области денежного обращения начнется движение, обратное тому, которое привело к 15 миллиардам, T к 27,76 миллиардов бумажек в обращении, и падению курса рубля до 2,7 копейки.

Это обратное движение может дойти до момента, когда между T и D будет установлено равновесие и остаток бумажных денег в обращении может вновь превратиться в полноценные деньги. Случай, характерный в основном (несмотря на большие варианты в способах поднятия курса) для денежного обращения буржуазных стран, благополучно переживающих кризисы производства и обращения.

3

III) Процесс развала промышленности приостановился, но правительство отнюдь не намерено прекращать выпуска бумажных денег. Ему есть больше оснований брать из обращения товары до тех пор, пока их можно брать, не стесняясь увеличением выпуска бумажных денег до последнего предела. В таком случае мы будем иметь перед собой отмирание всей бумажно-денежной системы обращения. Такая ситуация характерна для переходной эпохи от капитализма к коммунизму. Наибольший теоретический и в особенности практический интерес имеет тогда вопрос о том, как долго может продолжаться агония бумажного денежного обращения. Для читателя, я полагаю, ясно, что наиболее характерным примером для описываемого случая представляет из себя бумажное денежное обращение Советской республики России. Ниже мы будем говорить о нашем денежном обращении более подробно, с цифрами в руках, с учетом всех реальных условий, на которых нет оснований останавливаться в общей части. Здесь нас интересуют лишь общие моменты рассматриваемого случая, с которыми придется иметь дело всякой стране, вступающей в эпоху пролетарской диктатуры и получающей в наследство от буржуазного периода аппарат бумажно-денежного обращения, достаточно перегруженный бумажками за время хозяйничания капиталистических правительств.

III.

Бумажные деньги после пролетарской революции.

Прежде всего совершенно очевидно, что на уничтожение всей бумажно-денежной системы обращения может идти лишь такой класс, стоящий у власти, лишь такое правительство, которому обеспечен иной способ получения доходов на совершенно ином базисе общественного распределения. Если степень здоровья и силы буржуазного общества покоится на увеличении количества T , если увеличение T есть термометр для определения здорового роста этого общества, то для переходной эпохи от капитализма к коммунизму термометром, определяющим успехи нового общества, служит увеличение другой величины, вели-

чины П, т.е. количества продуктов (а не товаров), проходящих через распределительные органы социалистического государства.

Увеличение П за счет Т, борьба П с Т, это есть борьба социалистического распределения с анархической сутолокой рынка, выражаясь в российских терминах—борьба Компрода с Сухаревкой. Чем больше продуктов попадает в руки пролетарского государства как вследствие национализации все новых и новых предприятий и увеличения выработки на них, так и вследствие успехов заготовок со стороны продовольственных органов, применяющих систему натурального налога на крестьян, тем больше растет П, тем меньше то количество Т, которое поступает на вольный рынок. Отсюда вытекает целый ряд выводов, имеющих огромное практическое значение для финансовой политики пролетарского государства с одной стороны, для объяснения ряда явлений в области бумажно-денежного обращения с другой.

Во-первых, совершенно очевидно, что рост П за счет Т должен вести к чрезвычайно быстрому падению курса бумажных денег, если-б даже выпуск их государством прекратился. Все выпущенные уже миллиарды бумажек, за исключением небольшой части, идущей на оплату ¹⁾ выдаваемых государством по твердым ценам продуктов, устремляются в район Т и плавают всей своей грудой во все более и более высыхающих болотах вольного рынка.

Во-вторых, совершенно очевидно и обратное, а именно, что устойчивость и даже расширение мелкого товарного производства в странах с пролетарским режимом задерживает быстрое уменьшение суммы Т. Мыслим даже случай, когда систематическое увеличение П за счет Т систематические вычеты из Т будут равны или будут меньше прироста Т на почве восстановления мелкого производства и его временного расширения. При таких условиях падение курса бумажных денег будет происходить

¹⁾ Эта оплата должна делаться, чем дальше, тем больше, фиктивной, особенно в связи с успехами в области натурализации заработной платы и бесплатного пользования общественными предприятиями, как трамвай, железные дороги, почта и т. д.

лишь под влиянием новых выпусков бумажек, т.е. мы будем иметь уже рассмотренный выше седьмой случай, хотя в совершенно иной обстановке.

Наконец, мы можем сделать и третий вывод, который может показаться абсурдным, но который теоретически достаточно обоснован. Этот вывод следующий. Если социалистическое хозяйство будет долго сожительствовать с мелкобуржуазным хозяйством, если вольный рынок будет долго держаться, то если не на все время существования вольного рынка, то на значительный период его существования социалистическое государство будет иметь возможность получать часть продуктов мелкобуржуазного производства путем выпуска бумажек, присоединяя каждый год по нулю или больше к номинальным стоимостям своих бумажных денег. То, что сегодня стоит рубль, на следующий год десять, потом сто, потом тысячу и т. д. Если печатный станок работает хорошо, то в присоединении нулей правительство ничем не ограничено. Можно писать на бумажке вместо 10 рублей 10 миллионов и платить эти 10 миллионов за фунт луку или шнурки для ботинок на вольном рынке. Ничего ужасного в этом нет, если заработная плата на $\frac{4}{6}$ натурализована, а на $\frac{1}{6}$ приспособлена к повышению курса бумажек путем повышения ставок. Эта перспектива может приводить в ужас обывателей, которые еще не могут отделаться от воспоминаний, когда за 10 руб. можно было купить 10 пудов муки или сапоги, может привести в отчаяние тех, кто живет на припрятанные деньги, либо ждет повышения курса ежедневно накапливаемых бумажек. Но ничего страшного нет в этом для социалистического государства, имеющего ясное представление о всем хозяйстве страны в его целом и не способного поддаваться панике от роста цен. Падение стоимости денег при устойчивости T есть, если можно так выразиться, продукт производства самого государства. Оно может более или менее точно рассчитать размеры падения курса на каждый следующий год и приспособить к уровню этого падения свой эмиссионный аппарат. Оно должно приспособлять к этому и тарифы, поставив себе целью обеспечить рабочему количеству денег, достаточное для того, чтоб при-

хватить с вольного рынка ту часть продуктов, которой недостает до полной натурализации заработной платы.

Лишь одна перспектива может быть опасна для советского государства в период использования бумажного денежного обращения: крах всей системы может наступить не только гораздо раньше, чем исчезнет T , но и раньше того, когда количество Π в руках государства будет достаточным для натурализации минимума заработной платы. Опыт превращения ассигнатов Великой французской революции в плохие обои для оклейки стен доказывает, что бойкот бумажек на вольном рынке может наступить в то время, когда самый рынок отнюдь не собирается умирать. Но когда наступает крах? Наступает ли он на определенной стадии обесценения бумажек, или же обусловлен другими моментами? Крах системы ассигнатов начался, когда реальная покупательная способность ассигнатов упала в 500 раз. Крах бумажек, выпускаемых советским правительством России, еще не наступил, хотя курс бумажек упал (к ноябрю 1920 г.) приблизительно в 5000 раз. Отсюда можно, повидимому, заключить, что бойкот бумажек рынком не связан с количеством выпущенных денег и уровнем их обесценения. Бумажное денежное обращение в стране, где начался новый цикл буржуазного развития на расчищенной революцией почве, оказалось менее устойчивым, чем в стране, где уничтожены предпосылки всякого буржуазного развития и в частности где дело идет об уничтожении не только бумажной, но и всякой денежной системы вообще.

В чем же дело?

Чрезвычайно сложный вопрос, к которому мы подошли, не может быть, повидимому, решен одинаково и для денежного обращения буржуазного общества, и для переходной эпохи от капитализма к коммунизму.

Развитие производительных сил Франции после революции могло происходить лишь на основе капиталистических отношений. Потрясенное революцией и революционными войнами хозяйство перед новым циклом развития, предполагавшего свободный рынок, не могло стать на ноги без устойчивых по своей стоимости средств обращения. Попытки сохранить какие-либо устойчивые единицы в обра-

щении выявились еще до краха ассигнатов в том, что королевские ¹⁾ (по-нашему, царские) бумажные деньги приобрели некоторую устойчивость курса и расценивались выше, чем ассигнаты Конвента. Когда революция закончилась, а правительство директории не только не начало извлекать из обращения бумажки, а сделало колоссальные новые выпуски, товарное обращение Франции ответило на это бойкотом бумажного хлама, и припрятанное за период террора золото начало поступать в каналы обращения. Крах бумажной системы во Франции произошел вследствие несоответствия между потребностями нового буржуазного цикла развития и не приспособившейся, отставшей от требования хозяйства и задерживавшей начало его развития денежной системой.

В Советской России, где значительное и все растущее количество продуктов проходит через органы социалистического распределения, где П растет за счет Т, т.е. за счет вольного рынка, казалось, крах бумажной валюты должен был наступить гораздо раньше, чем во Франции. Тем более, если мы вспомним, что во Франции ассигнаты имели реальное обеспечение в виде конфискованных дворянских и церковных земель и на них можно было купить определенное количество земельного фонда Республики. На деле наше бумажное денежное обращение держится с самого начала войны, и частичный бойкот денег наблюдается лишь в некоторых окраинах страны, как, например, в известных районах украинской деревни. Чем же объяснить

¹⁾ На ассигнатах, выпущенных до провозглашения республики, был портрет короля. После переворота королевские ассигнаты, попали все увеличивавшегося выпуска республиканских ассигнатов, попали в привилегированное положение, так как число их не увеличивалось, и они стали котироваться выше до 15%. Королевские ассигнаты были в большей части изъяты из обращения соответствующими финансовыми декретами Конвента. Наивно думать, что и королевские ассигнаты имели и наши „царские“ и керенки имеют большую стоимость потому, что держатели их надеялись или надеются на возвращение старого режима. Причины повышения курса более „редких“ бумажных серий не политического, а экономического свойства. Достаточно вспомнить, что советские деньги первых выпусков (например, желтого цвета тысячи) уже имеют на Украине более высокий курс.

устойчивость нашей, выжатой уже как лимон, бумажной денежной системы?

Было бы неосторожно ответить на этот вопрос каким-либо категорическим утверждением.

Правильней всего искать объяснения прежде всего в том главном и коренном различии, которое имеется между буржуазной хозяйственной системой и системой социалистического переустройства в рассматриваемом вопросе. Для нормального развития товарно-капиталистического хозяйства ликвидация не имеющих никакого устойчивого курса средств обращения является важнейшим условием всякого движения вперед. Падение курса денег приводит к систематическому разорению и убыткам для тысяч товаропроизводителей и торговцев и для огромного кадра людей делает более выгодным занятие спекуляцией, чем производством. Повышение курса бумажных денег всяческими способами либо бойкот их и выброс из обращения является настоящей необходимостью для товарного хозяйства.

Наоборот, для строящегося социалистического общества условием существования, его жизненным требованием в области распределения является не поднятие курса бумажек, а увеличение П за счет Т. Если число продуктов, проходящих через органы социалистического распределения, уже достигает большой суммы, если это число растет, то для обеспечения всего развития производства, в особенности его главного головного отряда, отряда национализированных предприятий, увеличение П имеет неизмеримо большее значение, чем увеличение покупательной способности бумажек или их устойчивый курс. Пусть для товарного хозяйства, существующего рядом с социалистическими предприятиями, устойчивость курса денежных знаков имеет первостепенное значение, пусть цепляется крестьянство и кустари за царские деньги, керенки и т. д., чтоб получить некоторую устойчивую единицу в обращении,—не мелкобуржуазное хозяйство делает музыку в переходную эпоху, не от судьбы мелкого хозяйства зависит судьба всего общества, его будущее, развитие его производительных сил взятых в целом.

Но рост П за счет Т как раз и является одной из важнейших причин обесценения бумажек. И самый выпуск чем дальше, тем больше является лишь подсобным ресурсом социалистического государства, пока оно не обеспечило себе П в количестве, достаточном для натурализации заработной платы. Буржуазное хозяйство не может, как правило, выносить долго существование обесценения бумажек в обращении и их дальнейшего обесценения. Социалистическое общество в период стройки не может выносить сокращения П, падение же курса бумажек оно может терпеливо выносить очень и очень долго. В этом отношении у него нервы крепче, чем у буржуазной системы хозяйства.

Второе объяснение более конкретного характера нужно, мне кажется, искать в соотношении между избыточным количеством продуктов мелкого крестьянского и кустарного хозяйства и тем количеством, которое берет государство из обращения путем выпуска новых бумажек. Если эти выпуски берут лишь излишек или часть излишка, то как бы ни падал курс бумажек, реальный хозяйственный базис для возможности дальнейших выпусков остается, потому что остается возможность делать вычеты из товарного обращения, не разрушая самого мелкого производства, поскольку вычитание делается из того, что является потребительским излишком.

Отсюда уже ясно видно, что медленное умирание нашего бумажного рубля связано с хозяйственными особенностями России. В странах Запада, когда они станут странами пролетарской диктатуры, бумажные деньги могут умереть раньше, поскольку там не будет столь обширного, как в России, мелкобуржуазного рынка, отсрочивающего и оттягивающего стихийную ликвидацию бумажек.

Все это не значит, конечно, что бумажки могут продержаться в обращении до полного уничтожения Т. В каждом определенной стране, вступающей на путь пролетарской диктатуры, в зависимости от совокупности экономических условий, может быть ряд и других причин, которые приведут к краху бумажную денежную систему сравнительно рано. Нам достаточно здесь установить, что доказанная опытом устойчивость бумажного денежного обращения в первые годы существования Советской России, вполне удовлетворительно объясняется на

основе общих теоретических положений, установленных выше.

Есть еще один вывод из предыдущих построений, на котором следует остановиться, потому что он напрашивается сам собой. Раз пролетарское государство само держит в руках рычаг обесценения денег, раз оно понимает законы бумажного денежного обращения лучше, чем посетители Сухаревки, и раз оно может предвидеть последствие своих мероприятий, то не может ли оно сознательно, по определенному плану регулировать и денежное обращение и уровень цен?

Как известно, все попытки такого рода, исходившие от буржуазных правительств, неизменно кончались крахом, все твердые цены в условиях новых выпусков бумажек и расстройства хозяйства неизменно взлетали на воздух. Все вычеты из товарного обращения, все налоги в виде выпуска денег делались наугад, без малейшей уверенности в том, сколько реальных ценностей будет получено с рынка и какой уровень падения курса денег предreshen уже самым количеством выпускаемых бумажек. Пролетарское государство в этом отношении находится в более выгодных условиях, чем любое буржуазное правительство. Главной задачей буржуазного правительства, согрешившего в трудные минуты по части чрезмерного выпуска бумажек, является задача скорейшей ликвидации бумажного потока и обеспечение появления на рынке в качестве средства обращения реальной стоимости в виде золота, которая одна способна неорганизованному, безголовому обществу дать устойчивость в товарном обращении и справедливо разобрать претензии каждого товара на соответствующее количество другого товара. Наоборот, пролетарское государство—это организованная, сознательно хозяйствующая сила. Это государство знает законы того общества, которое оно сменяет и обломки которого путаются у него под ногами. Взять за жабры мелкобуржуазную стихию, взять ее через аппарат бумажного денежного обращения, и подчинить себе, своим целям это обращение—эта задача отнюдь не является непосильной для пролетарской диктатуры. И чем тверже стоит на ногах пролетарская власть, чем больше продуктов поступает в его органы распределения, тем больше возможностей для его свободного маневриро-

вания, тем легче ему загнать в тупик вольный рынок и свободного производителя.

Как это осуществить?

Прежде всего о твердых ценах. Разумеется, бессмысленно мечтать об установлении твердых цен тогда, когда выпуск бумажек продолжается и остается, — таким образом, на-лицо главная причина падения их курса. Твердые цены возможно установить лишь в таком случае, если правительство возьмет за основу установившиеся рыночные цены, прекратит выпуск бумажек и в той пропорции, в какой вычет из Т будет происходить вследствие расстройства производства, начнет уравнивать этот процесс изъятием из обращения соответствующего количества бумажек. Но такая операция, очень желательная для мелкобуржуазных товаропроизводителей, не представляет никакой выгоды для пролетарского государства, которому нет никаких оснований выступать в роли опекуна и доброй мамы для кулачков и кандидатов к ним, за исключением разве такого теоретически мыслимого случая, когда подобное мероприятие будет временно приемлемым в качестве одной из переходных мер на пути к чисто социалистическому распределению. А именно: в том случае, если П будет близко к тому, чтоб обеспечить натурализацию заработной платы, а содержание аппаратов государственного распределения для продуктов второстепенного значения, вырабатываемых мелким хозяйством, будет стоить дороже, чем выше описанная операция. Нам необходимо здесь лишь отметить, что установление твердых цен и удержание их на основе научно-обоснованной финансово-экономической политики вполне возможно для достаточно укрепившейся пролетарской власти, поскольку поддержание курса бумажек не будет возложено на одни бумажки обязательных постановлений.

Но в первое время существования пролетарского государства прекращение выпуска бумажных денег не только не выгодно, но и объективно невозможно. Собрание вокруг органов распределения достаточного количества продуктов происходит постепенно, не говоря о том, что и сами эти органы создаются почти заново и прodelьвают работу совершенно новую, для выполнения которой капитализм не оставил никаких руководств рабочему классу.

У автора этих строк нет ни малейшего сомнения в том, что во всех странах, в которых пролетариат вслед за рабочими России будет завоевывать власть, он будет вынужден пустить в ход печатный станок. Если при социалистическом перевороте пролетариат оставляет камни, но не оставляет камня на камне во всей экономической системе капитализма, как это убедительно доказал т. Бухарин в своей прекрасной книге «Экономика переходного периода», то некоторое счастливое исключение на некоторый срок представляет бумажно-денежное обращение.

Систему выпуска бумажек в минуту жизни трудную, аппарат этого выпуска и возможность путем выпуска выкачать из обращения определенное количество товарных ценностей— все это целиком получает победивший пролетариат от буржуазного режима. А поскольку пролетариат будет вынужден пускать в ход печатный станок, он заинтересован в том, чтоб выпуск бумажек не носил хаотического характера, чтоб он не производился без учета темпа понижения курса, без попытки согласовать обесценение денег с тарифами еще до выпуска или одновременно с выпуском, без попытки хотя бы приблизительно учесть, какое время можно пользоваться печатным станком и какой срок дается объективными условиями для замены этого вида налога работой социалистических органов распределения. Опыт бумажного денежного обращения Советской России чрезвычайно поучителен для пролетарского режима всех стран, которые покончат с буржуазной властью и будут вынуждены поддерживать свое существование известное время грабежом товарного рынка через выпуск новых миллиардов бумажек.

Для пролетарской власти в деле регулирования цен имеются следующие возможности. Те цены, которые застанет победивший пролетариат на свободном рынке, он может взять за основу своих твердых цен. Эти твердые цены он может удержать в той части продуктообмена, который осуществляется через его органы распределения. Эти цены немедленно отрываются от рыночных цен и будут отходить от них тем быстрее, чем дольше продолжается выпуск новых масс бумажных денег. Единственный смысл существования этих твердых цен заключается только в

том, чтоб различать стоимости продуктов внутри П. Например, сапоги в пять—семь раз дороже пуда муки, пуд муки в сто раз дороже листа бумаги и т. д. Стоимость же пуда муки в П совершенно отрывается от цены этого пуда на вольном рынке, и попытки держать цены Т в повиновении таблицам твердых цен государства есть предприятие совершенно безнадежное. Безнадежность эту нечего проверять на практике, потому что она с неопровержимой ясностью устанавливается бесспорным теоретическим анализом. Регулировать цены на вольном рынке можно, лишь установив особые подвижные таблицы цен, основанные на приблизительном учете Т и на весьма точно известном государству количестве бумажных денег, выпускаемых в обращение ¹⁾. Возьмем пример. Допустим в результате целого ряда выпусков бумажек государством на рынке устанавливаются цены: мука 100 руб. пуд, масло 25 р. фунт, сапоги 500 р. и т. д. Государство через некоторый промежуток вынуждено выпустить несколько миллиардов бумажек. Чтоб в дальнейшем не рынок устанавливал цены, а государство, последнее должно сейчас же после выпуска новой партии бумажек само повысить все цены в такой пропорции, в какой это вызывается новым выпуском. Тогда назначенные государством таксы не будут продуктом фантазии, а будут основаны на учете реального соотношения между Т и Д. При наличии твердой власти и соответствующих органов репрессии, эти цены можно удержать до следующего выпуска бумажек, потому что эти цены будут сознательно привнесены рынку в таких отношениях, в каких они установились бы стихийно, если бы рынок был предоставлен собственной судьбе. Также должно поступать государство и при следующих выпусках.

Только такая таксировка цен, при которой курс бумажек в товарах устанавливается на основании соотношений Т и Д, при которой не государство диктует цены, а пишет их под диктовку законов денежного обращения,— только такая таксировка реально осуществима.

¹⁾ Количество бумажных денег других государств внутри страны учесть, конечно, трудно, но это количество не может быть особенно большим.

Но зачем она нужна?

Это уже другой вопрос. Главная выгода заключалась бы в том, что при росте цен через известные сроки, известными скачками, хотя бы этих скачков было установлено в году полдюжины, представилась бы возможность правильно построить скалу тарифных скачков. Вместо отдачи рабочих на съедение вольному рынку, вместо непрерывных вычетов из заработной платы по инициативе спекулянтов и крестьян, вместо погони тарифов вслед за ценами, без надежды догнать их, когда в накладе все время остаются рабочие массы, при системе подвижных такс было бы возможно проведение системы подвижных тарифов в соответствии с таксами, т.-е. в сущности погону цен за тарифами. Не нужно, конечно, преувеличивать выгод от осуществления этой меры, бессмысленно мечтать таким путем спасти рабочих от недоедания. Ограждение рабочих от эксплуатации мелких производителей возможно вообще в довольно узких пределах, потому что никакие таксы и никакие тарифы не могут избавить общество от основного зла переходного периода, от сокращения потребления. Если страна имеет 50 миллионов едоков, а количество продуктов потребления, которыми она располагает, на год, вместо нормальных 1 миллиарда пудов, равняется всего лишь 750 миллионам, т.-е. на 25% меньше, то никакие тарифы и никакие таксы не спасут от неизбежного недоедания. Падение курса бумажек, сокращение их покупательной способности зависит ведь не только от количества D в обращении, как мы указывали выше, но и от сокращения T под влиянием всеобщей разрухи. Если на рост цен смотреть под углом зрения общественного распределения продуктов, то этот рост в конечном счете является орудием для сокращения потребления для определенных слоев общества, либо для всего общества. При господстве рыночной стихии это сокращение потребления в первую очередь обрушивается на рабочих и служащих государства. Задача пролетарской власти состоит в том, чтоб урезать потребление для всего общества, в первую голову для паразитических классов. Если стране суждено на 25% недоедать, необходимо, чтоб это недоедание равно-

мерно распределялось между рабочими и крестьянами и больше всего падало на паразитические классы. При системе подвижных такс и подвижных тарифов, если не будет достигнуто это равенство голода, то по крайней мере распределение будет иметь тенденцию к этому под влиянием сознательно проводимой государством политики.

Система подвижных такс для пролетарского государства может оказаться целесообразной в тех странах, где в момент перехода власти к рабочему классу денежное обращение не будет достаточно расстроено предыдущими выпусками бумажек со стороны буржуазного правительства (например, в случае переворота теперь в Англии, отчасти Франции). Наоборот, для пролетариата более разоренных стран с низким курсом бумажных денег будет сначала, пожалуй, наиболее целесообразным предпринять огромный выпуск бумажных денег сразу, скупить все, что можно, на вольном рынке (чего нельзя конфисковать, разумеется), и, если можно так выразиться, собрать сливки с товарного обращения раньше, чем ошеломленный рынок успеет закричать караул путем резкого скачка цен. Таксировать цены при таких условиях значило бы помочь вольному рынку отбить частично атаки правительства на его товарный фонд. Опыт показывает, что если выпуск бумажек продолжается долго, то рынок в своем повышении цен не только не отстает, а часто в кредит перегоняет этот выпуск, устанавливая цены, которые должны были соответствовать иной пропорции между Д и Т. Наоборот, в начале выпуска бумажек рынок бывает довольно неповоротлив, цены часто ниже тех, которые уже предопределены выпущенным количеством бумажек, накопление бумажек, вместо их немедленной реализации, еще широко практикуется различными слоями населения, не усвоившими еще на горьком опыте политической экономии «переходного периода», и для пролетарского государства открывается возможность основательно пощипать товарные ресурсы вольного рынка.

Когда же терроризованный рынок достаточно раскачался и в повышении цен забегает дальше того, что диктуется взаимоотношениями Т и Д, то рабочему правительству есть смысл или систематически осаживать его назад, или пустить

ся с ним в перегонки. Первое возможно было бы достигнуть системой подвижных такс, второе—установлением таких тарифных ставок, при которых бы не тарифы гнались за ценами, а цены за тарифами. Осуществить это целиком вряд ли возможно, и опытов таких (удачных опытов) еще не бывало. Но поставить себе эту цель можно, и сознательно добиться хотя бы известной тенденции в этом направлении пролетарское государство, несомненно, может. Менее всего допустимо предоставить все воле рыночной стихии и не использовать против этой стихии знания ее же собственных законов. Во всяком случае теоретически сконструировать случай, когда тарифы будут определять цены, а не наоборот, совсем не трудно. Представим себе страну, где заработная плата рабочих после захвата власти пролетариатом натурализована лишь наполовину. Другую половину рабочий класс вынужден получить с вольного рынка, опираясь на покупательную способность бумажных денег. Пусть и та и другая часть заработной платы, выраженная в золотых рублях, равняется 360 миллионов, плюс 360 миллионов, т.-е. 720 миллионов руб. в год. Первую половину заработной платы рабочий без труда получит от государства через его распределительные органы. Наоборот, со второй частью начнутся неизбежные мытарства. Предположим, что рубль пал в сто раз, и чтоб получить с вольного рынка продуктов на 360 миллионов золотом, нужно дать рабочим бумажек в виде заработной платы на 36 миллиардов в год. Но эти 36 миллиардов не спасут рабочих от мытарств и разорения, потому что при описываемых условиях цены непрерывно растут. Следовательно, надо установить кривую подъема цен при условии изъятия каждый месяц с вольного рынка товаров на 36 миллионов золотом. Допустим, вычисление приводит нас к тому выводу, что цены должны подниматься на 50% в месяц в среднем. При таких условиях уже на второй месяц для получения с рынка продуктов на 36 миллионов золотом необходимо выплатить рабочим в виде заработной платы бумажками не 3 миллиарда, а 4½ миллиарда. Следующий месяц надо увеличить выдачу еще на 50% и так далее. Но это еще не всё. Если рубль должен пасть за год в шесть раз, то это падение не будет равномер-

ным. Надо учесть разницу в быстроте падения по частям года. Все вычисления неизбежно будут весьма приблизительными. Важно лишь одно: чтоб покупательная способность всей денежной части заработной платы обеспечивала в среднем возможность рабочим взять с вольного рынка количество ценностей, равное по стоимости, считая на золото, 30 миллионам полноценных рублей. Надо ли при этом увеличивать тарифы ежемесячно, два раза в месяц или в два месяца раз — это чисто технический, хотя практически и очень важный вопрос.

Разумеется, это теоретически мыслимый пример приспособления тарифов к ценам на основе предварительного учета роста цен не будет утопической фантазией лишь в том случае, если размеры мелкобуржуазного хозяйства и емкости вольного рынка позволяют делать систематические вычитания из него в описанной пропорции. Иными словами: приведенный случай возможен лишь тогда, когда с мелкого производителя вообще можно взять прибавочного продукта на 30 миллионов золотом в месяц, например, путем тех же прямых натуральных налогов. Если это экономически невозможно, то тарифы никогда не поспеют за ценами и в этой форме будет проявляться общественная необходимость сокращения потребления для всего рабочего класса в переходный период.

IV.

Бумажные деньги, как вид налога.

При нормальных условиях обмена товаров в капиталистическом обществе деньги замещают товар и в свою очередь замещаются другим товаром, если продавец выступает в качестве покупателя, что бывает чаще всего. Владелец денег может купить товар потому, что на другом полюсе он сам нечто продал, и деньги являются документом этой продажи. Это относится к металлическим деньгам. Наоборот, благодаря выпуску бумажных денег из обращения изымается определенное количество ценностей без вливания в сферу товарообмена новых товарных ценностей. Деньги входят в обращение, товары вытаскиваются из обращения. Если исключить случаи, когда бумажные деньги выпускаются в ограниченном

количестве исключительно для удобства расширившегося товарообращения ¹⁾, выпуск бумажек государством имеет целью взять из обращения товары без возмещения. Но эти операции покупки без продажи возможно делать не один раз только потому, что на рынке в большинстве случаев все-таки существует покупка с продажей. Поскольку дело идет о вольном рынке в период пролетарской диктатуры, продавцами и покупателями одновременно являются прежде всего крестьяне, затем ремесленники, кустари, владельцы небольших ненационализированных предприятий, наконец, владельцы всякого рода имущества, созданного до революции и теперь пускаемого в обмен. Правда, продавцом может быть и само государство, поскольку часть продуктов со своих национализированных предприятий оно продает крестьянам. Но эта продажа происходит на сумму гораздо меньшую той, на какую выпускается бумажных денег. Так что если государство выпускает бумажек на 10 миллиардов, а крестьянину оно продает товаров на 1 миллиард, то финансово-экономический итог таков, как если бы государство выпустило бумажек на 9 миллиардов. Поскольку на рынке идет купля и продажа между товаропроизводителями на бумажные деньги, на новых сериях бумажных денег, входящих в обращение из-под станка государства, не написано, что за ними не значится соответствующих товаров, сданных на рынок. Эти деньги примешиваются к деньгам, бывшим до них в обращении, как равноправные товарищи, и имеют с ними одинаковую судьбу. Все дело можно представить себе так, что государство вмещивается в товарообмен между кустарем, крестьянином и владельцами тех или иных реальных ценностей, подпускает своего бумажного яда в каналы обращения и, не принеся никаких товарных ценностей на рынок, уходит с рынка с товарными ценностями. Таким образом, с точки зрения всего класса мелких товаропроизводителей, соживительствующих с пролетарским государством, выпуск бумажных денег пролетарским государством всегда им невыгоден, всегда влечет за собой вычет из реального товарного фонда мелкого хозяйства, всегда является налогом на мелкое самостоятельное производство ²⁾.

¹⁾ Положение, характерное для капиталистического общества в условиях нормального существования.

²⁾ Если этот налог не заменяет собой более тяжелый прямой натуральный налог, который мелким производителям еще менее выгоден.

Наоборот, иначе должно представляться дело, если мы будем рассматривать весь процесс производства и распределения в переходную эпоху в его целом. Производителями реальных ценностей являются не только крестьяне и ремесленники, но и рабочие национализированных предприятий. В переходный период рабочие социалистических предприятий не столько создают продукты массового потребления, сколько заняты восстановлением самих основ хозяйства: орудий производства, транспорта, заготовкой сырья, капитальными сооружениями, реальная польза которых скажется, может быть, лишь через несколько лет. Это восстановление хозяйства на новых началах для всего общества имеет первостепенное значение, от успехов в этой области зависит все будущее страны. Производители в этой части хозяйственного организма должны получать необходимое количество продуктов потребления. Если государство в состоянии дать своим рабочим натурой лишь часть заработной платы, то другую часть они вынуждены брать с вольного рынка. Но, будучи вынуждены сами проделывать эту операцию, весьма тяжелую и неприятную, рабочие из сборщиков натурального налога превращаются в его плательщиков, поскольку не могут получить на рынке необходимого им минимума средств существования.

Рассмотрим поэтому более детально, как распределяется этот вид налога между различными классами общества в эпоху диктатуры пролетариата.

Начнем с тех же рабочих национализированных предприятий. Эта группа общества является самой беспомощной в той борьбе, которая ведется между различными классами за освобождение от налога. Продукт рабочих национализированных заводов поступает в руки государства. Они не имеют возможности продавать изготовленные ими товары и поднимать их цену в той мере, в какой должны подниматься в общем все цены в результате выпуска в обращение новой массы бумажных денег ¹⁾. Рабочие продолжают получать заработную плату, определенную тарифом, либо добиваются увеличения тарифа, но неизбежно ниже нового уровня цен,

¹⁾ Строго научно нужно было бы сказать: „В какой должны подниматься цены, поскольку они находят свое выражение в обесценивающихся бумажных деньгах“.

если тарифы, как это было до сих пор в Советской России, не приспособляются к новым выпускам бумажек. Выходя на базар, жена рабочего может только клясть и бранить крестьянина или молочницу за увеличение цены, но ничем реально не может ущемить их с своей стороны, если в руках у нее только одни государственные бумажные деньги. И когда мы на наших базарах видим каждый день фигуру подгороднего крестьянина, сидящего на возу с картошкой и с олимпийским спокойствием изрекающего цену на свой продукт, а вокруг него волнующуюся группу городских работниц, проклинающих деревенских грабителей и все-таки покупающих по назначенной «деревней» цене, то перед нами как на ладони соотношение сил между крестьянином и рабочим. Крестьянин пытается свалить свою долю налога, падающего на него в результате выпуска бумажных денег, на рабочего. Рабочий беспомощен свалить и свою долю и наваленную на него другими на кого бы то ни было. В результате выпуск бумажных денег, этот особый вид налога, имеет тенденцию падать прежде всего и в наибольшей степени именно на заработную плату. Совершенно в том же положении, как и рабочие национализированных предприятий, находятся служащие государственных учреждений. Еще очень давно, на второй уже год мировой войны появились в европейском масштабе сведения о разорении среднего интеллигента, чиновника, служащего. Наиболее сильные крики о таком разорении неслись из Германии, где служащие и чиновники явились первым слоем общества, которому пришлось начать сокращение потребления, а затем и распродажу в пользу деревни скопленного в лучшие годы имущества. Повышение цен на вольном рынке, при старых ставках служащих и чиновников, прежде всего отразилось на этой группе, потому что все остальные слои общества сумели вернуться от сокращения потребления, до крайней мере первые месяцы. Ввиду огромных мобилизаций и уничтожений резервной армии промышленности, чернорабочим удалось достигнуть повышения заработной платы. Что же касается рабочих, работавших на оборону, то во всех воюющих странах они получили повышенные ставки. Если же взять теперешнее положение рабочих и рядовых служащих в Советской России, то окажется, что последние еще

более рабочих бессильны сопротивляться «налогу» на их жалованье. Не говоря о том, что рабочие причислены к первой категории в продовольственном отношении и, следовательно, несколько меньше зависят от вольного рынка, они еще сохранили в целом ряде предприятий право на получение сверх общей нормы некоторого количества того продукта, который изготовляется в их предприятии. Так, пекаря в Москве получают, кроме общего пайка, несколько фунтов хлеба в день, рабочие парфюмерных фабрик—мыло, табачники—табак и папиросы и т. д. В результате часть рабочих обороняется от роста цен увеличением цен на те полученные сверх общей нормы продукты, которые они меняют на необходимые им предметы на вольном рынке. У служащих нет такой возможности, им остается лишь увеличивать всякими правдами и неправдами свои денежные ресурсы путем совместительства должностей, фиктивных должностей, взяток и т. д.

В ином положении находятся самостоятельные ремесленники и кустари всякого рода, поскольку они не связаны обязательством сдавать продукты своего труда государству по твердым ценам. На выпуск бумажных денег они отвечают соответствующим повышением цен своих продуктов. Если портной раньше брал за пальто 10 рублей, то с увеличением цен в 100 раз он берет за эту работу тысячу, с увеличением в 1000 раз—берет за пальто 10.000 и т. д. Так же поступают сапожник, пимокат, слесарь кустарь, работающий по ремонту крестьянского инвентаря, и представители десятков профессий из среды мелкого ремесленного производства. Подъемом цен выше уровня твердых цен, устанавливаемых государством, они обороняются от сокращения их доходов.

Той же цели достигает и их стремление придерживаться товарообмена, бойкотируя падающие в цене государственные деньги. Во всяком случае, когда мелкий ремесленник начинает играть с крестьянином в поддавки в деле вздувания цен, он вступает в борьбу не безоружным. В иных районах и в иные моменты крестьянин может оказаться сильней, и это можно установить анализом цен на вольном рынке в отношении продуктов сельского хозяйства и продуктов кустарного производства. В других районах и в другие мо-

менты дело может обстоять наоборот: при состязании ремесленника с крестьянином по части сбрасывания с себя налога от выпуска денег, наиболее страдающим третьим лицом оказывается городской рабочий и служащий. За счет сокращения потребления этой группы удерживают свое потребление на прежнем уровне или даже повышают его (как, например, в хлебных губерниях) крестьяне и ремесленники.

Что касается крестьянства, самого многочисленного класса Советской республики, создающего пока большую часть всех ценностей, которые производятся в стране, то его позиция в борьбе за освобождение от рассматриваемого нами вида налога является весьма прочной. Мы здесь пока не будем говорить о хлебной монополии, о принудительной разверстке на другие продукты, проводимой Наркомпродом, о трудовой повинности. О них будет речь ниже. Мы будем говорить пока лишь о ценах в пределах вольного рынка. Крестьянство является монопольным владельцем почти всех продуктов питания, производимых в стране. Если в период нормального существования товарного хозяйства продукты, как правило, обмениваются по их трудовой ценности, т.е. в соответствии с количеством общественно необходимого труда, затраченного на их производство и отклонения зависят от изменений спроса и предложения на те или иные продукты, то в период расстройств всей промышленной деятельности как раз именно в области спроса и предложения происходят важные изменения. Человек может подождать с приобретением материи на новый костюм, с приобретением целого ряда продуктов, не имеющих прямого отношения к удовлетворению чувства голода. Наоборот, с обедом подождать мудрено, и спрос на продукты питания неизбежно отесняет на второй план спрос на прочие продукты потребления. В период расстройства хозяйства вообще и при сокращении посевной площади и ухудшении способов обработки земли на вольном рынке крестьянин попадает в привилегированное положение со своими продуктами. Вследствие этого крестьянство диктует свои цены, и повышение цен на важнейший продукт деревни—на хлеб—лежит в основе всех цен вообще. Накопивши достаточный денежный запас «на всякий случай», крестьянин в дальнейшем старается либо пе-

рейти прямо к товарообмену, либо продает своих продуктов лишь на такую сумму бумажек, на которую можно приобрести на вольном рынке реальные ценности. А так как число этих ценностей ограничено и не соответствует ценности излишков крестьянского хозяйства, то отсюда с неизбежностью вытекает потребление этих излишков (за вычетом хлебной повинности) в самом крестьянском хозяйстве, скармливание пшеницы для скота, отпаивание поросят молоком при наличии острого голода в городах и невероятных ценах на хлеб в наиболее хлебных областях (Украина). С другой стороны, будучи вынужден ограничить свои потребности в городских товарах тем, что можно купить на рынке или заказать ремесленнику, крестьянин тем самым ограничен и в необходимости иметь бумажные деньги сверх определенной суммы. А так как обесценение этих денег, предпринятое их выпуском государством, начинается от него, то крестьянин выступает в качестве первой инстанции, которая сбрасывает с себя на плечи других рассматриваемый нами налог, которая имеет все данные отбить все контр-атаки со стороны кустаря, также отвечающего повышением цены своих товаров, и, наконец, прижать к стене и начать раздевать городского рабочего и остатки буржуазии ¹⁾. Но если крестьянство находится в исключительно выгодных условиях для освобождения себя от рассматриваемого вида налога, то это еще отнюдь не говорит за то, что крестьянство вообще не пострадало и не страдает в чрезвычайной степени от обесценения денег. Не надо забывать, что крестьянин не только является производителем (а пока существует вольный рынок, и продавцом) предметов потребления имеющим возможность повышать цены на них.

¹⁾ Мирная экспроприация городской буржуазии крестьянством представляет из себя любопытную страницу в переходный период от капитализма к социализму. Проведя бурным натиском на дворянский класс экспроприацию помещичьих земель, крестьянство постепенно начало экспроприацию городской буржуазии и ее имущества, поскольку эта последняя вынуждена сбывать за продукты деревне, все спасенное от конфискации советских органов имущество, лисьи шубы, шелковые платья, золотые украшения и проч. потекли в деревню. Я знаю случаи, когда в одном уезде крестьянство, насыщенное всеми продуктами, набранными у бывшего купечества, соглашалось продавать хлеб лишь за иконы в серебряных ризах.

Одновременно он является и держателем денег, денежной копилкой. Крестьянин научился понимать не сразу «экономику переходного периода». В первые годы войны, когда обеспечение денег шло не так быстро, у крестьянина была надежда на повышение ценности дешевевших денег. Он даже предавался первые год—два маниловским мечтаниям о том, что царская десятка, за которую он продал пуд хлеба и на которой написаны заманчивые слова на-счет размена на золото, что эта десятка с возвращением «нормальных условий» будет снова властна купить десять пудов хлеба или соответствующее по стоимости количество других продуктов. Однако, дальнейшая хозяйственная практика не только не подтвердила этих надежд, но царская красная уже не способна была в дальнейшем купить даже двух или трех фунтов хлеба. И каждый более или менее крепкий и запасливый по части «царских» и «керенок» крестьянин начинал все больше беспокоиться за судьбу бутылок, набитых бумажными деньгами. Крестьянин буквально мог бы повторить слова Бориса Годунова: «Шестой уж год (с 1915 г.) я царствую спокойно (на рынке), но счастья нет в душе моей». Все, что накоплено в бумажках, идет прахом. Сегодня крестьянин повышает вдвое цену на хлеб, а это значит, что стоимость скопленных им раньше денег уменьшилась в два раза. Выпуск бумажных денег в условиях их непрерывного обесценения означает прежде всего непрерывную экспроприацию лежащего втуне денежного капитала. Если, допустим, за год с января 1918 г. до января 1919 г. цены на продукты поднялись в 10 раз, то владелец в январе 1918 г. капитала в 100.000 р. имеет к январю 1919 года фактически 10.000 р., 90.000 тыс. он потерял. Это все равно, как если бы у него путем налога было взято $\frac{9}{10}$ его денежного состояния. Первые годы после начала войны крестьяне продолжали накапливать деньги в условиях непрерывного их обесценения и тем подвергались непрерывной экспроприации как на новые суммы, выручаемые ежемесячно от продажи продуктов, так и на те, которые в виде царских бумажек были ими скоплены до революции. Кроме того, крестьянство в местностях, переходивших из-под Советской власти в руки белогвардейцев и обратно, пережило не один раз аннулирование денег и той и другой стороной, т.-е. также подвергалось экспро-

приации. В частности, поскольку крестьянство сохраняло или увеличивало свои денежные запасы в расчете на возвращение старого режима, оно тем самым очень больно поплатилось за свое неверие в прочность Советской власти.

Что касается не только крестьян, но и всех владельцев денежных сбережений, они также систематически экспроприировались. Никакими контрибуциями советов, никаким чрезвычайным налогом мы не смогли бы так основательно очистить тайных денежных хранилищ Колупаевых и Разуваевых, как это сделало социалистическое государство усиленными выпусками бумажных денег. Но остатки капиталистического класса оказались более ловки в борьбе против бывшего их по карману обесценения денег, чем неповоротливое крестьянство. Эти господа очень скоро поняли, что держать под спудом деньги и разоряться от их обесценения нет никакого расчета. Основное правило спекуляции в период обесценения денег заключается в том, чтоб переводить деньги на товар и хранить товар, а не деньги. Спекулянты и действуют в этом направлении, припрятывая товары, которые не занимают большого объема и не столь подвержены опасностям обнаружения и конфискации. Поскольку же хранение в больших размерах технически неосуществимо, задача заключается в возможно более быстром обороте денег. Если спекулянт покупает товара на 100.000 р. и продает в течение недели за 150.000, его задача заключается в том, чтоб сократить до минимума время пребывания у него на руках этого денежного капитала, ибо то, что сегодня есть прибыль в 50.000, завтра уже представляет меньшую сумму вследствие непрерывного обесценения как этой прибыли, так и всего денежного капитала вообще. При ограниченной возможности хранить в большом количестве товары, при быстром обесценении хранимых денег, наилучшим способом «реализации» прибыли спекулянту является потребление. Обжорство вместо накопления—вот закон для десятков тысяч героев Сухаревки и Охотного ряда. И поскольку спекулянтам не удастся реализовать прибыль в форме покупки и сокрытия золотых и других ценных вещей, им остается ловить момент, занимаясь самоснабжением. В общем этот слой населения успевает приспособиться к советскому строю, к выпуску бумажек, к их

обесценению, увертывается от налога и сбрасывает его либо на неповоротливого крестьянина, либо все на того же рабочего и служащего.

Таким образом мы приходим к выводу, что косвенный налог, накладываемый Советской властью в форме выпуска бумажных денег, падает на владельцев денежных запасов и в том числе на крестьянство, как держателя денежных запасов; далее налог падает на рабочих и служащих, поскольку им не удастся реализовать денежную часть заработной платы так, чтоб получить необходимый минимум средств потребления, а потому приходится недоедать; налог падает далее и на мелких производителей, поскольку берет от мелкого производства ценности, не возвращая эквивалента, при чем в конечном счете крестьяне и кустари оказываются в более выгодном положении, чем рабочие и служащие, поскольку дело идет об уменьшении их доли налога, путем стихийной борьбы внутри всех этих классов на арене вольного рынка ¹⁾.

¹⁾ Тов. Ларин в своей статье „Деньги“, помещенной в № 250 „Экономической Жизни“, пишет: „Крестьянству выгодней, чтоб государство покрывало общенародные расходы не путем взимания налогов, а путем выпуска все новых количеств бумажных денег и сопряженного с этим роста дороговизны. Дороговизна гораздо больше ударяет рабочего и служащего, который все покупает, ничего обычно не производит для продажи. Наоборот, крестьянин покупает очень мало (особенно в военно-революционную эпоху, когда фабричное производство для нужд крестьянского хозяйства всегда сокращается). Продает же крестьянин больше, чем покупает, и потому на общей дороговизне в стране в конце концов наживается, прячет сотни тысяч в бутылках в землю, свозит себе из городов мебель, подушки, платье, посуду и т. д. Покрытие общегосударственных расходов... посредством прекращения уплаты налогов и принуждения государства выпускать все новые бумажные деньги,— есть для крестьянства средство перевалить значительную часть государственного бремени с себя на плечи рабочих и служащих“.

Тов. Ларин прав, указывая на то, что выпуск бумажных денег для крестьян выгодней прямых налогов. Но он совершенно не прав, полагая, что крестьянин „наживается“, набивая бутылки бумажными деньгами. Если сегодня крестьянин продал за 5.000 р. мешок картофеля, набил деньгами бутылку, а через полгода стоимость 5.000 р. равняется 500 рублям, через год 50 рублям, но не дай бог никому так „наживаться“. Именно потому, что крестьянин продает больше, чем покупает, а возвращается с рынка с бумажками, он не наживается, а разоряется, как держатель денег.

Бумажные деньги Российской Советской республики.

Октябрьская революция в России сокрушила много старых устоев, но выпуск бумажных денег продолжался, оставаясь главным средством для покрытия государственных расходов. Советской власти суждено было получить от правительства Керенского бумажное денежное обращение в достаточно расстроенном состоянии. В свою очередь правительство Керенского получило от царизма далеко не полноценный бумажный рубль. Восстановим в главных чертах и основных цифрах историю нашего бумажного денежного обращения с момента войны.

К моменту объявления войны, т.е. в июле 1914 года, в обращении находилось бумажных денег на сумму 1.700 миллионов. В это время золотой запас государственного казначейства был равен на 1-е августа 1914 г. 1.604 миллиона. Золото к началу войны находилось в обращении наравне с бумажками и покупательная способность бумажного рубля внутри страны равнялась рублю золотому. В самом начале войны, как известно, царское правительство прекратило свободный обмен бумажек на золото, весьма основательно опасаясь, что все бумажки, число которых к тому же предполагалось увеличить, окажутся скоро при свободном обмене в государственном казначействе, а все золото уйдет из государственного казначейства в частные руки. Прекращение свободного обмена и введение фактически принудительного курса для бумажек сразу же повлекло за собой исчезновение золота из обращения и образование трещины в цене между золотым рублем и бумажным. Курс бумажного рубля начал падать. Это падение вряд ли оказалось бы, по крайней мере на внутреннем рынке, сколько-нибудь серьезным, если бы, с одной стороны, размеры товарного обращения в стране не подверглись сокращению, а с другой стороны, если бы не предпринималось новых выпусков бумажек государством. На деле вместе с уменьшением товарного обращения, вызванного начавшимся сокращением производства, начался усиленный выпуск бумажек в целях покрытия военных расходов ца-

ризма. Если в начале войны число бумажек, как мы уже сказали, равнялось 1.700 миллионов, то на первое января 1915 года, т.-е. спустя полгода после объявления войны, их имелось уже в обращении 3.125 миллионов. На первое января 1916 года сумма бумажек в обращении увеличилась до 5.737 миллионов, к 1-му января 1917 г. до 9.225 миллионов, а к 1-му марта 1917 г., т.-е. в момент февральской революции, в обращении бумажных денег имелось уже 9.975 миллионов. Таким образом царское правительство за время войны увеличило бумажный денежный фонд более, чем в пять раз. Именно этому правительству суждено было сорвать лучшие сливки с товарного обращения в тот период, когда ценность бумажного рубля держалась сравнительно высоко ¹⁾.

Временное правительство, просуществовавшее до октябрьского переворота, держалось почти исключительно доходами от выпуска новых миллиардов бумажных денег. За восемь месяцев своего существования наше буржуазное правительство выпустило 8.942 миллиона бумажек, и таким образом к 1-му ноября 1917 года бумажек в обращении имелось уже на сумму 18.917 миллионов.

Советской власти, пришедшей на смену правительству Керенского, также ничего другого не оставалось на первых порах, как черпать свои доходы из новых и новых выпусков бумажек. Но в то время как каждый миллиард бумажек, выпущенный царским правительством, в среднем был равен покупательной способности 300—350 миллионов на золото, а каждый миллиард правительства Керенского имел покупательную способность приблизительно в два раза меньше, покупательная способность бумажного рубля во время Советской власти стремительно падала и падает с невероятной быстротой. Из предыдущей теоретической главы о курсе бумажного рубля было видно, что для изъятия из товарооборота путем выпуска бумажек нового, такого же, как раньше, коли-

¹⁾ Отсюда нужно сделать тот вывод, что революционному классу выгодней захватить власть как можно раньше, чтоб получить как можно большее наследство не только в общих ресурсах страны, но и в тех, которые дает ему на первое время бумажное денежное обращение, поскольку благодаря выпуску бумажек новой власти можно держаться вначале без прямых налогов.

чества ценностей требуется прогрессивно растущее количество бумажек. Эта прогрессия возрастает также и под влиянием сокращающегося товарообмена. А это сокращение после октябрьской революции не прекратилось, а все больше прогрессировало. Весь процесс выкачивания ценностей посредством выпуска бумажек можно сравнить с вычерпыванием вина из бочки, которую пополняют водой. Чтоб получить первое ведро, достаточно зачерпнуть ведро же, но чтоб получить второй раз ведро чистого вина, надо зачерпнуть смеси больше ведра, для третьего—еще больше смеси и т. д. Сравнение будет полным, если мы представим себе, что чистое вино убывает из бочки не только вследствие вычерпывания смеси, но и уходит через другое отверстие (что соответствует сокращению Т вследствие расстройтва хозяйства). Советской власти пришлось вычерпывать ценности из бочки товарного обращения, достаточно уже разбавленной водой в результате таких же операций царизма и временного правительства. В итоге, несмотря на сокращение расходов, связанных с фактическим прекращением войны, к 1-му января 1918 года число бумажек в обращении было уже равно 27.313 миллионов, т.-е. за два с лишним месяца существования Советской власти было выпущено бумажных денег 8.396 миллионов, т.-е. немногим меньше, чем за все существование временного правительства. К первому января 1919 года число бумажных денег в обращении равнялось 61.265 миллионов, сумма, которую относительно нельзя не признать скромной, если учесть, что ценность бумажного рубля, как видно из прилагаемой ниже таблицы вольных цен, упала к весне 1919 г. до $\frac{1}{500}$ на золотой рубль, а вместо расходов империалистской войны на очередь встали расходы на гражданскую войну. Необходимо, однако, принять во внимание сокращение территории Советской России в 1918 г., когда мы потеряли на известное время Украину, Сибирь, Урал, Дон и Кавказ. Расширение территории и обесценение рубля обуславливают в течение 1919 года, кроме других причин, огромное увеличение выпуска бумажек, число которых в обращении к 1 января 1920 г. достигло астрономической цифры в 225.016 миллионов, не считая бумажных денег, выпущенных в Туркестане.

Если мы возьмем увеличение в среднем за месяц выпуска денег в течение каждого года, начиная с 1915, то получим следующую картину:

Выпускалось новых денег в месяц	1915 г.	217,6	миллионов.
"	"	281,6	"
"	"	1.507,6	"
"	"	2.829,3	"
"	"	13.645,9	"
1-ая половина	1920	56.833,0	"

Этот поток бумажных миллиардов поражает своими неслыханными размерами, но реальное покупательное значение этих миллиардов, а, следовательно, реальный доход Советского государства является все время весьма скромным. Миллиарды бумажек оказываются бумажными миллиардами. Это видно из таблицы движения цен на вольных рынках. Приведем данные для важнейших продуктов питания в столицах и провинции (см. следующую страницу):

Из этой таблицы видна неравномерность в повышении вольных цен в столичных центрах и провинции, хотя в последнее время окраины начинают быстро догонять столицы. Но и при таком резком различии цен в столицах и провинциальных городах повышение цен,—следовательно, падение ценности рубля, является поразительным.

Чтоб нам стало вполне ясно экономическое значение выпуска бумажек при еще не обесцененной валюте и при валюте совершенно обесцененной, в частности, чтоб определить размеры реального (т.-е. выраженного в товарных ценностях) дохода Советской власти в 1919 г. от выпуска бумажных денег, сделаем небольшое вычисление на основании уже приведенных цифр. Возьмем средние цифры цен на хлеб по Москве и Саратову. В 1914 г., т.-е. в начале войны, средняя цена фунта хлеба равнялась 2,8 копейки. Царское правительство, выпустившее с начала войны до 1 января 1915 г. бумажных денег на 1.425 миллионов, было в состоянии изъять товарных ценностей немногим меньше того, сколько можно было купить на ту же сумму золотом. Если мы за отправной пункт исчисления возьмем цену фунта хлеба в 2,8 коп., соответствовавшую цене хлеба в золотой валюте, мы в состоянии будем вычислить, сколько в переводе на золотую

П е ч е н ы й х л е б з а ф у н т .

	1913—14 г.	1915 г. июнь.	1916 г. осень.	1918 г. весна.	1919 г. весна.	1920 г. весна.
Москва	3 1/2 к.	4 к.	5 к.	3 р. 50 к.—4 р.	22—26 р.	350—400 р.
Петроград	3 1/2 "	4 "	5 "	4 р.	30—35 "	500 р.
Тверь	3 "	3,8 "	5 "	3 р.—3 р. 50 к.	22—24 "	—
Саратов	2,1 "	3 "	—	70 к.—90 к.	1 р. 20—1 р. 50 к.	—
		Р ж а н д я м у к а (п у д).				
Москва	1 р. 01 к.	1 р. 65 к.	2 р. 60 к.	150—180 р.	800—1.000 р.	—
Петроград	1 " 35 "	1 " 75 "	2 " 64 "	300—400 "	1.400—1.800 "	—
		М я с о (ф у н т).				
Москва	22 к.	34 к.	73 к.	8 р. 50 к.	45—60 р.	800 р.
Петроград	22 "	30—50 к.	80 "	8 р. 40 к.—9 р.	50—70 "	—
Тверь	18 "	—	—	—	15—20 "	—
Саратов	12 "	20 к.	33 "	—	16—18 "	—

валюту давал выпуск бумажек за каждый год, до 1919 года включительно. Тем самым мы будем иметь приблизительное представление о том, какое количество товарных ценностей удавалось извлекать из обращения.

В 1915 году бумажек было выпущено на сумму 2.612 миллионов. Средняя цена хлеба была уже не 2,8 к., а $3\frac{1}{2}$ коп. Покупательная способность рубля, измеряемая в цене хлеба, была 80 коп. золотом. Иными словами, царское правительство выпуском 2.612 миллионов бумажек в 1915 г. при курсе рубля в 80 коп. (в измерении на хлебные цены) получило товарных ценностей на 2.089,6 миллионов¹⁾.

В 1916 году бумажек было выпущено 3.488 миллионов. Средняя цена хлеба $4\frac{1}{2}$ коп. (В Саратове неизвестно точно, но в Поволжье цена была в среднем 4 коп.) Стоимость рубля, исходя из 2,8 к. фунт хлеба на золото в 1914 г. и $4\frac{1}{2}$ к. на бумажный рубль в 1916 г., можно считать в 62 коп. На 3.488 миллионов бумажек, царское правительство извлекло ценностей, равных приблизительно 2.162 милл. золотом.

В 1918 году всего было выпущено бумажек 33.952 миллионов, т.-е. почти в десять раз больше, чем в 1916 г. при царизме. Цена хлеба в среднем 2 р. 88 коп.

Курс рубля 1,1 копейки. Выпустивши огромную сумму 33.952 миллионов бумажек, Советская власть, однако, при курсе рубля в копейку с небольшим взяла из обращения ценностей приблизительно на 373 миллиона. Таково реальное содержание этого бумажного потока. Бумажек выпущено в 10 раз больше, реальных ценностей извлечено в шесть раз меньше, чем в 1916 году.

Посмотрим, как обстояло дело в близком к нам прошлом году. Бумажек выпущено 163.751 миллион. Средняя цена хлеба приблизительно 12 рублей. Стоимость бумажного рубля по измерению в хлебной цене 0,23 коп., т.-е. немного больше $\frac{1}{5}$ копейки. 163.751 миллион бумажек при всей огромности этой цифры, в переводе на золотую валюту при дан-

¹⁾ Цены на другие продукты росли быстрее, особенно на продукты промышленности. А это значит, что вычисление по средним ценам одного лишь хлеба дает более высокий итог реального дохода государства, чем он был на самом деле.

ной стоимости рубля, равны сравнительно скромной сумме 383,5 миллионов. Таким образом хотя в 1919 г. мы выпустили бумажек приблизительно в 5 раз больше, чем в 1918 г., реальный доход пролетарского государства от этой операции остался почти тот же, что и в 1918 году.

Если мы проверим эти выводы на средних ценах мяса, то вычисление покажет лишь большее падение курса рубля, следовательно, меньшую покупательную способность выпущенных в обращение миллиардов, особенно в советский период. Годы революции, кроме 1920 года, были вполне благополучными с точки зрения урожая хлебов в России. Потребление хлеба производителями держится в более устойчивых пределах, в то время, как мясной кризис, связанный с резким понижением производства мяса, стал обнаруживаться уже в конце 1915 года. Кроме того, потребление мяса в крестьянском хозяйстве подвергалось более резким колебаниям. Поэтому установление курса рубля по хлебным ценам является более целесообразным, не говоря уже о том, что хлеб является самым важным, самым основным продуктом питания в России и основным предметом торговли на вольном рынке.

Сделанные нами вычисления являются, конечно, весьма и весьма приблизительными. Во-первых, мы оперировали с ценами хлеба весной, а не за весь год. Затем для большей точности необходимо было бы взять среднюю цифру на основании средних цифр всех районов страны. Вообще же необходимо было бы установить курс рубля по средним ценам всех важнейших продуктов, по всем районам страны и по всем месяцам года. Для такого вычисления, к сожалению, автор не располагает нужным материалом. Однако, и приведенные цифры и сделанные вычисления в общих грубых чертах дают уже приблизительное представление и о курсе рубля и о реальных доходах Советского государства, получаемых от выпуска бумажных денег.

Сравнение количества выпущенных в 1918 году бумажек с количеством выпуска в 1919 г., с одной стороны (увеличение приблизительно в 5 раз), и сравнение хлебных цен в 1918—1919 г.г. (увеличение также приблизительно в 5 раз) обнаруживает параллелизм и соответствие этих пропорций. Это соответствие не является случайным. Там, где товарный

рынок уже приспособился к непрекращающимся выпускам бумажек, и немедленно выражает цены товаров в новых количествах бумажных денег, как только они появляются в обращении, там между увеличением цены на важнейший продукт купли и продажи, именно хлеб, и между увеличением количества бумажек в обращении, неизбежно должно установиться соответствие. Цифры бумажек в обращении и рыночных цен в 1918—1919 г.г. являются наглядным подтверждением правильности тех теоретических выводов, которые были сделаны в первых двух главах на основе учения Маркса о денежном обращении.

Хорошо, скажет читатель. Но почему же вы не оперируете соответствующими цифрами за 1915 и 1916 годы? Там, кажется, дело обстоит иначе?

Да, там дело обстоит иначе, также в полном соответствии с теоретическими выводами первых глав. Если цену на хлеб в 1914 г. принять за 100, то рост цен в 1915 г. будет выражаться 125, а в 1916 г.—160. Если же наличность бумажных денег, имевшихся к концу 1914 г., принять за 100, то рост бумажек в обращении будет в 1915 г.—183, в 1916—295. Выпуск же новых бумажек будет выражаться к выпуску в 1914 г. с момента войны, если принять его за 100, в цифрах: в 1915 г.—183, 1916 г.—244. Вся таблица будет иметь такой вид:

	Реальная цена.	В процентах.	Наличие бумажек в обращ.	Выпуск новых по годам.
1914 г.	2,8 к.	100.	100	100
1915 „	3 ¹ / ₂ „	125	183	183
1916 „	4 ¹ / ₂ „	160	295	244

Из этой таблицы мы видим, что в первые два с половиной года войны рост цен на хлеб отстает от роста количества обращающихся бумажных денег. Именно на этом фактическом материале мы можем установить, какое огромное влияние на курс бумажного рубля оказал в России факт крестьянского накопления денег. Нет ни малейшего сомнения в том, что

сравнительно медленное падение курса рубля в 1915—1916 годах связано с тем обстоятельством, что крестьянство накопило в течение войны огромное количество бумажек, в надежде на возвращение к рублю его довоенной покупательной способности, и таким образом выводило из обращения миллиарды бумажных денег. Наш крестьянин, движимый скопидомством, сам того не подозревая, играл на повышении сначала царского рубля, потом керенок и в конце концов, конечно, разорился на этой далеко не прибыльной в революционную эпоху операции. Но уже в 1917 г. рост цен начинает приходиться в соответствие с ростом выпускаемых бумажек, а в 1918—1919 годах скачки цен уже строго соответствуют скачкам в области увеличения количества бумажных денег ¹⁾.

Если бы мы задались целью на основании всего сказанного выше вычислить, сколько миллиардов бумажек нужно выпустить нашему Комиссариату Финансов в 1920 году для получения того же самого количества реальных ценностей, которое было получено в 1918—1919 годах, т.-е. в размере 370—380 миллионов на полноценные рубли, то мы бы пришли к следующим выводам. Ввиду повышения цены хлеба приблизительно в 10 раз (средняя Петрограда, Москвы, непродовольственных губерний—с одной стороны, Поволжья—с другой равна приблизительно 200—250 р.) в 1920 г., приблизительно во столько же раз необходимо увеличить денежные эмиссии, т.-е. довести выпуск бумажек до сверхастрономической цифры 1.600.000 миллионов, т.-е. до 1.600 миллиардов.

Как мы видим, реальные доходы Советского государства от выпуска бумажек очень скромны, наоборот, количество требующихся с каждым не только годом, но с каждым месяцем бумажек растет с неслыханной быстротой. В 1917 году копейка еще была реальностью, на полтинник кое-что можно было купить. В 1918 году роль копейки выполняет рубль. В 1919 году слово копейка не только забыто, но и рубль, как реальная единица счета, заменяется 10 рублями. В 1920 году

¹⁾ В первые месяцы пролетарской власти также замечалось обесцениение, которое надо объяснить уничтожением банков, кредита и вообще средств безденежного расчета, следовательно увеличением потребности в наличных средствах обращения.

реальной единицей счета является сотня и тысяча, единицы и десятки пропадают, как пропала копейка. В 1921 году реальной единицей счета останется тысяча.

— Когда же все это кончится?—говорит обыватель.

— Как мы еще держимся с нашей бумажной системой?—спрашивает себя наш Комиссариат Финансов.

— Когда наступит крах нашего бумажного обращения?—спросим мы теперь себя. Совершенно очевидно, что крах не может наступить от одного увеличения нулей на нашей реальной бумажной единице. Тут затруднения чисто-технические, затруднения для экспедиции заготовления государственных бумаг, не более. Для сокращения нулей можно, например, цифру 1000 заменить буквой Т и печатать бумажки на 10 т, 100 т, 1000 т и так далее. Затем 1000 т заменить буквой М (миллион) и печатать 10 м, 100 м и т. д. На век нашего бумажного обращения математических величин хватит, а не хватит,—их можно выдумать.

Чтоб объяснить живучесть нашей бумажной денежной системы, несмотря на ужасающее падение курса рубля, нужно принимать во внимание состояние и размеры несоциализированной части производства страны в целом и в частности, хотя бы приблизительно установить, какую часть создаваемых и выбрасываемых на рынок ценностей выбираем мы из обращения бумажными выпусками. Как мы уже видели, в 1918—1919 годах мы взяли из обращения (считая на хлеб) по 370—380 миллионов. Эта сумма является очень скромной, в ней нет ничего катастрофического. Вспомним, что царское правительство брало ежегодно со страны перед войной 2000—3000 миллионов рублей налогов, из которых половина падала в том или ином виде на крестьянское хозяйство и на ремесло. Правда, и крестьянское хозяйство и ремесло очень сильно пострадали от войны, но пострадали несравненно меньше, чем крупная промышленность, не говоря о том, что размеры крестьянского землепользования чрезвычайно расширились за счет помещичьих земель. Вычеты на три—четыре сотни миллионов рублей в год наше мелкое хозяйство может вынести, если даже к этой цифре будет прибавлена также сумма натурального налога в форме хлебной, мясной и других монопольных заготовок, о чем речь будет ниже.

Другое дело, если крах начнется на иной почве, на почве пресыщенности обращения старыми бумажками с более устойчивым курсом, чем вновь выпускаемые деньги, а главное— на почве вытеснения бумажек натуральным товарообменом. Как известно, наши царские и думские деньги имеют более или менее устойчивый курс не только внутри страны, но кое-где и за ее пределами (Латвия, Эстония, Литва, Маньчжурия). Некоторую устойчивость имеют керенки. Наконец, на Украине появился лаж даже на советские желтого цвета тысячи, ввиду выпуска новых тысяч другого упрощенного и уменьшенного образца. Отсюда нашим новым выпускам угрожает известная опасность. Впрочем, бумажные деньги с более или менее устойчивой ценностью обыкновенно поступают в хранение, и каналы обращения заполняются непрерывно обесценивающимися «худшими» деньгами, задерживать которые никто не заинтересован. Что же касается вытеснения денег натуральным товарообменом, то здесь опасность несравненно серьезней. Это вытеснение в некоторых районах далеко шагнуло вперед, особенно на Украине. Опасность с этой стороны заключается в следующем. Крестьянство и кустари продают теперь свои продукты за деньги лишь за тем, чтоб эти деньги как можно скорей обратить в нужный им товар. То, что дает государство этим группам по твердой цене, требует совсем ничтожного количества денег для уплаты. Рабочие же и служащие государственных предприятий, являющиеся главными получателями бумажных денег и покупателями товаров на эти деньги, чаще всего не являются продавцами каких-либо товаров, если не считать того, что они распродают из своего старое имущество, или из той части продуктов, которую они получают по твердой цене, либо в качестве натуральной прибавки к заработной плате (пекаря—хлеб, ткачи—мануфактуру, мыловары—мыло и т. д.). Главными поставщиками товаров из своего хозяйства на рынок, кроме крестьян, являются кустари и те рабочие национализированных заводов, которым приходится добавочно кустарничать (эта группа особенно многочисленна на Урале и увеличилась теперь в ряде других мест). Постепенное вытеснение бумажек из товарообмена на деньги и переход к натуральному товарообмену может поставить

рабочих и служащих в катастрофическое положение, несколько не затрагивая крестьянство и кустарей в их экономических взаимоотношениях. Правда, и кустари и крестьяне страдают, как крупные держатели денег. Но потерять больше того, что они уже потеряли, они не смогут. Вот к этой возможности Советская власть должна непременно подготовиться. Если эта возможность будет учтена заранее, то можно не только избежать катастрофы для самого незащищенного в данном случае и самого важного в системе строящегося социализма элемента, т.-е. для рабочих, но наоборот: бойкот денег, равносильный их аннулированию, можно превратить в исходный пункт для новой финансовой политики, на новых научных основаниях, быть может, пожертвовав для дела некоторое количество серебра. Подробно об этом мы скажем ниже.

До сих пор, как видно отчасти и из изложенного, как знают и все участники советского строительства вообще, а работники в области советских финансов в особенности, наша финансовая политика отнюдь не была построена на каких-либо научных выводах. Она велась совершенно стихийно, от случая к случаю, под давлением потребностей дня; и лишь ощупью, главным образом, под влиянием непомерного запроса на деньги и невозможности во-время удовлетворить спрос, пришли к необходимости хотя бы приблизительно вычислить, сколько потребуется бумажных денег на ближайшее время ¹⁾, а тем самым и поставить общий вопрос о системе бумажного обращения в переходный период. Правда, допустив ряд ошибок в прошлом, продолжая их отчасти в настоящем, мы в одном и притом важнейшем пункте были правы вполне: мы не жалели бумаги для наших денег. Теперь пора, однако, после того, как мы посмострели назад, взглянуть после этого в наш завтрашний день.

¹⁾ Производивший это вычисление тов. Отто Шмидт, применяя математику и оперируя фактическим материалом, пришел к выводам, которые в основном почти полностью совпадают с моими выводами, полученными, главным образом, теоретическим путем.

Бумажные деньги в системе социалистического производства и распределения.

В настоящее время мы можем изучать бумажное денежное обращение переходной эпохи и его судьбу лишь на основании трехлетнего опыта Российской Советской республики и отчасти на основании кратковременного опыта Советской Венгрии ¹⁾. Поэтому и в этой главе, как и в предыдущей, мы, главным образом, будем исходить из фактов и экономических отношений Советской России; это имеет то большое неудобство, что структура хозяйства и удельный вес отдельных социальных групп в странах Запада, когда они переживут свою пролетарскую революцию, будет сильнейшим образом различаться от хозяйственной структуры России, страны крестьянской по преимуществу. Опыт Советской России с бумажными деньгами и выводы на основании этого опыта далеко не всегда можно обобщать для всех стран с диктатурой пролетариата. Тем более, что и мировая экономическая конъюнктура и экономические взаимоотношения европейских стран после революции будут, вероятно, глубоко отличаться от условий существования Советской России, которая смогла три года продержаться со своим хозяйством совершенно оторванной от экономических сношений со всем миром. Поэтому, поскольку мы будем наталкиваться на выводы, которые могут иметь значение для любой страны с пролетарской диктатурой, мы будем соблюдать величайшую осторожность в своих обобщениях, все время учитывая особенности российских отношений и делая соответствующие поправки.

Пролетариат вынужден строить свое государство и восстанавливать хозяйство на развалинах капитализма. Не перепроизводство и полнокровие капитализма сделали неиз-

¹⁾ См. об опыте Советской Венгрии весьма ценную брошюру тов. Варга „Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Dictatur“, стр. 113—123, которая переводится на русский язык. Советскому правительству Венгрии не было возможности печатать бывшие в ходу бумажные деньги, выпускавшиеся в Вене, и таким путем заставить крестьянство платить косвенные налоги пролетарскому государству. Крестьянство бойкотировало выпущенные Советским правительством новые деньги и требовало старых денег, Венского происхождения. В стране оказалось две бумажных валюты: старая валюта, признававшаяся деревней, и новая, бывшая в ходу лишь в городах, где господствовал экономически новый режим.

бежным социалистический переворот, а, наоборот, худосочие и развал буржуазного хозяйства, запутавшегося в собственных противоречиях и обескровившего себя в результате мировой войны. В разных странах победивший пролетариат получает от капитализма разное наследство. Но, как бы ни отличалось это наследство по своим размерам и ценности, ни в одной стране пролетариату не избежать такого периода в своем строительстве, который, по прекрасному выражению тов. В. Смирнова ¹⁾, можно было бы назвать эпохой первоначального социалистического накопления. Необходимо собрать и учесть все экспропрированное у буржуазии имущество, распространить экспроприацию на средние предприятия, собрать и поставить на свое место рабочую силу и технических руководителей, восстановить технику и в особенности технику тяжелой индустрии и вообще все то, что называлось в буржуазный период основным капиталом производства, восстановить средства получения сырья, привлечь к натуральным налогам в пользу налаживаемого социалистического хозяйства мелкое, главным образом крестьянское производство. Если в такой стране, как Англия, внутренняя гражданская война не затянется и не будет сопровождаться большими разрушениями в материальной основе хозяйства и рабочей силе, если победившему английскому пролетариату удастся быстро наладить хозяйственную связь со своими бывшими колониями, этот период может занять сравнительно немного времени. Наоборот, в такой стране, как Россия, где капитализм оставил пролетариату очень жалкое наследство, где первоначальное накопление неизбежно должно базироваться на сокращении потребления пролетариата и на экспроприации части прибавочного продукта мелкого производства, в такой стране, где перераспределение рабочих сил между крупным и мелким хозяйством, в пропорциях, в каких оно достигнуто давно в Германии и Англии уже на капиталистической основе, приходится осуществлять с огромным опозданием в эпоху социалистического строительства, в такой стране, где три года существования пролетарской власти были периодом ожесточенной гражданской войны и огромной растраты материальных сил не

¹⁾ См. Н. Бухарин, «Экономика переходного периода».

для производственных целей,—в этой стране период социалистического накопления затянется надолго и неизбежно будет носить характер трудного и мучительного процесса.

В данной работе нас не интересует непосредственно социалистическое накопление в той его части, где дело идет о собирании распыленной рабочей силы, о привлечении к производительной работе нетрудовых элементов, о привлечении к физическому труду служащих, о сокращении потребления пролетариата ради накопления основного капитала производства, и не интересует даже вопрос о привлечении к трудовой повинности для социализированного хозяйства мелких производителей. Наоборот, социалистическое накопление в форме натурального налога на мелкое производство (разверстки всякого рода, вроде хлебной и т. д.) и в форме косвенного налога (через выпуск бумажных денег) является главным предметом нашего рассмотрения. В настоящий момент судьба нашего бумажного рубля прежде всего зависит от изменения взаимоотношения между тем количеством продуктов, которое пролетарское государство получает в натуральном виде через свои заготовительные органы, и той их массой, которую выбирает с вольного рынка через аппарат бумажных эмиссий. Посмотрим, каковы эти количества и в какую сторону меняется взаимоотношение между ними.

До войны годовой продукт производства во всем хозяйстве России оценивался приблизительно около 11 миллиардов золотом ¹⁾. Из этого количества на промышленность, транспорт и все промыслы в круглых цифрах пало 5.194 миллиона, на земледелие—5.630 миллионов.

Насколько пало производство в нашей промышленности и как велики те прорехи, которые надо заполнять путем социалистического накопления, чтобы поднять и хотя бы на довоенный уровень, видно из помещенной в «Эконом. Жизни» таблицы, составленной тов. Лариным. Ввиду огромного интереса, который представляет вычисление Ларина вообще и для нашего исследования в частности, приведем эту таблицу целиком (см. стр. 74—75):

¹⁾ С. Н. Прокопович: «Опыт исчисления народного дохода 50 губ. Европейской России» (стр. 64). Исчисляемый Прокоповичем «доход» в 930.—975 тыс. от горговли надо выбросить, потому что это в сущности не доход, а наоборот—расход общества на буржуазный аппарат распределения.

Ларин берет здесь выработку наших предприятий за первую половину 1920 года. Мы все знаем, что в большинстве предприятий во вторую половину года выработка повысилась и, кроме того, ряд закрытых заводов за это время вновь пущен в ход. Тем не менее падение производства по сравнению с довоенным временем прямо ужасающее. Поскольку дело идет о восстановлении промышленности, расстроеной до такой крайней степени, и поскольку местом действия является страна с преобладающими мелким хозяйством, не имеющая больших шансов на хозяйственную поддержку извне, можно судить, как велика необходимость отчуждения части доходов мелкого производства в фонд «социалистического накопления».

Посмотрим теперь, как велики ресурсы самого мелкого, главным образом, крестьянского хозяйства. За годы революции производительность сельского хозяйства чрезвычайно сильно пала. Вследствие ликвидации помещичьего землевладения урожайность на земельной площади тех хозяйств, где велось культурное хозяйство, сильно понизилось. Недосев на крестьянских и казачьих землях достигает по производящим губерниям в среднем от 10% до 25%. Животноводство пало. В ряде районов, где протекала гражданская война, крестьянское хозяйство сильно разорено. У нас нет данных для того, чтоб выразить в цифрах годовой доход сельского хозяйства в теперешнее время, но нет ни малейшего сомнения в том, что этот доход, несмотря на переход в руки крестьян помещичьих земель, не выше дохода крестьян в довоенное время и значительно ниже довоенного дохода всего сельского хозяйства, взятого в целом. Приблизительное представление об интересующей нас цифре мы можем иметь на основании косвенных данных, на основании размеров крестьянского дохода до войны. До войны крестьянство Европейской России получало от зернового хозяйства дохода до 2.450 миллионов, от животноводства—1.602 милл., от технических растений—540 милл., всего, таким образом, имело дохода от земледелия, примерно, 4.594 миллиона. Частновладельческое хозяйство (помещичье и купеческое, главным образом) имело по тем же статьям доход в 481 милл. р.

	Годовое производ- ство 1913—1914 г.	Производство первого полугодия 1920 г.	% к полуголо- вому мирному производству.
1. Краски, лак и т. п. (Гланил, Глкраслак)	3 милл. пуд.	33 тыс. пуд.	2,2 ⁰ / ₀
2. Бумата и картон (Главбум) с Укр.	13.500 т. п.	1.030 тыс. пуд.	15,2 ⁰ / ₀
3. Главерзина (изделия)	1.840 т. п.	34 тыс. пуд.	1,7 ⁰ / ₀
4. Стекло всякое (Главстекло) 1 ящ. = 15 пуд.	440 т. ящ.	28 тыс. ящ.	13 ⁰ / ₀
5. Главспичка 1 ящ. = 1 тыс. кор.	3.650 т. ящ.	310 тыс. ящ.	16 ⁰ / ₀
6. Табак и махорка (Глабак)	4.300 т. пуд.	380 тыс. пуд.	17,7 ⁰ / ₀
7. Спирт (Цспирт в 40-гр. ведрах)	38.500 т. вед.	1.930 тыс. в. в. (за 1919/20 г.)	5 ⁰ / ₀ к году.
8. Сахар с Укр. (Глсахар)	105 милл. п.	4.737 тыс. пуд. (за 1919/20 г.)	4,5 ⁰ / ₀ к году.
9. Сырой крахмал (Глкрахмал)	13.200 т. п.	1.042 тыс. пуд. (за 1919/20 г.)	7,8 ⁰ / ₀ к году.
10. Глуголь с Укр. и Сибири	1.800 милл. п.	225 милл. пуд.	25 ⁰ / ₀
11. Глнефть (Кав. и Эм.)	600 милл. п.	100 милл. пуд.	33 ⁰ / ₀
12. Медь (добыча)	1.330 тыс. п.	менее 330 т. п.	менее 50 ⁰ / ₀
13. Марганец (с Укр.)	17 милл. п.	—	—
14. Свинец с Кав., Сиб.	100 тыс. п.	—	—
15. Цинк с Кав.	200 тыс. п.	—	—
16. Платина	300 пуд.	50 пуд.	33 ⁰ / ₀
17. Золото с Сиб.	4 тыс. п.	240 пуд.	12 ⁰ / ₀
18. Колчедан (серный)	3.500 т. п.	менее 700 т. п.	менее 40 ⁰ / ₀
19. Магnezит	4 милл. п.	свыше 1 м. п. р	около 250 ⁰ / ₀
20. Хромист. железняк	1.500 т. п.	около 500 т. п.	около 30 ⁰ / ₀
21. Железн. руда (без Крыма) с Укр.	530 милл. п.	32 милл. пуд.	12 ⁰ / ₀
22. Чугун с Укр.	257 милл. п.	30.000 тыс. пуд.	2,4 ⁰ / ₀
23. Железо и сталь с Укр.	220 милл. п.	4.500 тыс. пуд.	4 ⁰ / ₀
24. Хлопок (чист. волокно Турк.)	20 милл. пуд. в 1915 г.	4 милл. пуд. в 1919 г.	20 ⁰ / ₀
25. Хл.-бум. ф-ки (пряжа)	19.800 т. п.	380 тыс. пуд.	3,3 ⁰ / ₀
26. Лен (площ. посева)	1.060 т. дес.	536 тыс. дес. (в 1919 г.)	50 ⁰ / ₀
27. Льнов. ф-ки (пряжа)	3.240 т. п.	540 тыс. пуд.	33 ⁰ / ₀

	Головое производ- ство 1913—1914 г.	Производство первого полугодия 1920 г.	% к полугодно- вому мирному производству.
28. Серная кислота	11 милл. пуд. вся Импер. 11.500 т. п.	1.250 тыс. пуд. (за весь 1919 г.) 1,2 м. пуд. Урал. за весь 1919 г., а Укр.?	11,40%
30. Калиевы соли с Кавказа	1.600 т. п.	почти ничего.	—
31. Азотная кислота	1.470 тыс. п. вся Империя	ничего.	00%
32. Главласмасло с Укр., без Кавк., Дона, Сиб.	23 милл. пуд.	500 тыс. пуд.	4,30%
33. Химоснов весь (включая №№ 28, 29, 30, 31, 37)	32.620 т. пуд.	1.700 тыс. пуд.	10,40%
34. Цемент портл. (Глицемент) с Укр., Кав.	115 милл. п.	ничего.	—
35. Деревообр. заводы	—	45 м. к. ф. пил. 7 м. шт. 1/2 м. к. ф. фан. и пр.	300%
36. Гл. мука (промышл. мельницы)	1 милл. п.	90 милл. пуд.	180%
37. Минеральн. удобрения	10.030 т. п.	(в 1916 г. = 4 м. п.)	—
38. Смолокуренное (все продукты) без Белоруссии	6 милл. пуд.	4.500 тыс. пуд. (за 1920 г.)	750%
39. Мыло и свечи (Центрокир)	20.867 т. п.	291 тыс. пуд.	2,80%
40. Карандаши (гросс—144 шт.)	500 тыс. гр.	3 тыс. гросс.	1,20%

в год. Если мы отбросим совершенно цифры дохода от частновладельческого земледелия, примем во внимание общее расстройство сельского хозяйства, но, с другой стороны, учтем увеличение крестьянского дохода от перехода к крестьянам 35 миллионов помещичьей земли, то в переводе на золотую валюту на довоенные цены, доход нашего крестьянства можно считать в сумме от 4 до 4¹/₂ миллиардов. Что же касается ремесла, то, согласно вычислениям Прокоповича, доход от него исчислялся, примерно, в 611 миллионов.

Царское правительство и дворянский класс в довоенное время в форме прямых, косвенных, земских налогов и арендной платы брало с крестьян и ремесленников ценностей до 1¹/₂ миллиардов в год. Вычеты из крестьянского дохода, которые вынуждена была делать Советская власть,—несравненно меньше. Итак, за основу мы принимаем крестьянский доход в 4—4¹/₂ миллиарда и мало изменившийся за время революции доход ремесленников в 600 миллионов. Всего таким образом имеем сумму от 4¹/₂ до 5 миллиардов.

Выше мы видели, что за 1918 г. и 1919 г. государство по весьма приблизительному подсчету брало с товарного рынка посредством бумажных эмиссий товаров на сумму около 380 миллионов на золото. Часть товаров теряли ремесленники, часть—владельцы приобретенного до войны имущества. Главная сумма, конечно, падала на крестьянское хозяйство. Какая именно, никакая статистика, к сожалению, нам не скажет. Если мы на худой конец предположим, что крестьянство отдавало продуктов на 300 миллионов, то путем сложения этой суммы со стоимостью продуктов, получавшихся государством с крестьянства путем разверстки, мы можем установить размер реальных вычетов из доходов крестьянина. За сезон 1913—1920 г.г. крестьянство отдало государству хлеба 265 миллионов пудов, картофеля 43 миллиона пудов, мяса 6 милл. пудов, жиров (масла) за 1919 г. и 8 месяцев 1920 г. 920 тыс. пуд., сена 78 милл. пудов, масличных семян 5¹/₂ милл. пудов. Заготовки сырья мы пока оставляем в стороне (лен, пенька, кожи и т. д.).

Если перевести стоимость всех этих продуктов на золото по довоенным ценам, мы получим, примерно, 315—320 миллионов рублей. Иными словами, Советское государство, как показывают все эти, правда, весьма грубые и приблизительные вычисления, нуждается, как минимум, в продуктах мелкого крестьянского производства на сумму около 620—670 милл. рублей на золото в год. Это тот минимум, который обеспечивает Красную армию и рабочих, служащих пролетарского государства. Заготовки с государственных предприятий, например, рыбных промыслов, советских хозяйств и т. д., сюда не включены, потому что эти продукты непосредственно поступают заготовительным органам государства. С сокращением армии и сокращением расходов на войну эта сумма должна уменьшиться. Но одновременно она должна увеличиться в связи с открытием все новых и новых заводов, расширением работы существующих организаций, целого ряда новых работ, в связи, наконец, с необходимостью повысить общий уровень рабочего питания.

Если эту цифру в 620 миллионов мы возьмем за основу, как цифру, дающую приблизительное представление о количестве продуктов питания, которое требуется государству для натурализации заработной платы, то для нас станет совершенно ясным одно: судьба бумажного рубля и необходимость прибегать к печатному станку прежде всего зависит от того, как быстро будут расти государственные заготовки за счет той доли продуктов, которую приходилось до сих пор получать с рынка за бумажные деньги. Уже за сезон 1919—1920 года продукты питания, заготовленные социалистическим путем, равны половине или несколько превышают половину продуктов, фактически потребленных рабочими, служащими и Красной армией. Посмотрим теперь, насколько бы мы приблизились к ликвидации деятельности печатного станка Наркомфина, если бы вся разверстка Наркомпрода на 1920—1921 года (с августа по август) была выполнена полностью. На этот год разверстка Наркомпрода объявлена следующая: хлеба 454 миллиона пудов, мяса 24 миллиона пудов, масла 3.300 тыс. пудов, картофеля 117 милл. пуд., масличных семян 29

милл. п., яиц около 500 миллионов штук, сена из разверстки в 75 милл. на крестьян падает 50 миллионов пуд. В переводе на золотые рубли это дает около 650 миллионов рублей. Иными словами, это означает следующее: еслиб разверстка настоящего года была выполнена полностью, Советская власть имела бы продовольственный фонд, достаточный для содержания армии, рабочих и служащих, и выпуск бумажек можно было сохранить лишь для изъятия товарных ценностей на какие-нибудь 50—60 миллионов на золото, т.-е. для получения продуктов ремесленного производства, и таких продуктов крестьянского хозяйства, которые не заготавливаются органами Наркомпрода и не имеют основного определяющего значения в потреблении рабочих масс государства. С распространением разверстки и на эти продукты и проведением натурального обложения ремесла, эта сумма могла бы еще более сократиться, и тогда перед Советским государством стал бы практически вопрос: следует ли практиковать вообще систему бумажных выпусков, которая стоит очень дорого, и не выгодней ли прекратить совсем печатание бумажных денег?

Так стоял бы вопрос, если-бы разверстка на 1920—21 г. была выполнена полностью.

Но эта разверстка, как полагает и сам Наркомпрод, полностью выполнена не будет, особенно, если принять во внимание огромный неурожай 1920 года. Тем не менее из всех приведенных цифр вытекает с полной ясностью вывод: мы идем быстрыми шагами к ликвидации бумажных выпусков, и если-бы наш бумажный рубль подвергся полному бойкоту в 1921 году, мы стояли бы перед очень серьезным затруднением, даже перед временным кризисом, но не перед катастрофой ¹⁾. Из этого затруднения, которое имело бы значение лишь в течение того промежутка времени, пока

¹⁾ Другое дело, если бы бойкот повсеместно начался в 1918 г., когда мы путем заготовок получили менее 10% нужных продуктов, или в 1919 г., когда эта цифра достигала едва ли 30%. Теперь критический период уже позади.

государственные заготовки почти достигают, но еще не достигли уровня натурализации заработной платы, мы могли бы выйти, прибегнув к выпуску серебряной монеты ¹⁾. Можно было бы выпустить этой монеты десяток—два миллионов и одновременно с этим выпустить полноценные бумажные рубли, временно обмениваемые на серебро. Этот обмен пришлось бы скоро прекратить, новые бумажки начали бы падать в цене, но зато мы могли бы начать сначала музыку обесценения новых бумажек, построив все предприятия на металлической основе.

То же предприятие, быть может, окажется целесообразным проделать даже и в том случае, если бумажный рубль не будет подвергнут бойкоту: когда мы подойдем к натурализации заработной платы, для получения необходимых добавочных продуктов всякого рода и изделий ремесла, которыми государство не может снабжать своих работников, возможно будет необходимо сохранить выпуск бумажных денег, но денег новых, не имеющих за собою падения стоимости в 5.000 раз. Раз будет достигнута почти полностью натурализация заработной платы и через органы социалистического распределения будет проходить большая часть, быть может 80% излишков мелкого производства, то выпуск серебряных монет и бумажек на основе этой «серебряной валюты» будет лишь одним из способов добавочного расчета социалистического государства с мелким хозяйством. Все отношения представились бы тогда в следующем виде.

Советская власть берет по разверстке с мелкого производства продуктов в год, предположим, на 650 миллионов на золото. Часть ценностей возвращается крестьянству в виде соли, керосина, мануфактуры, сельско-хозяйственных машин, гвоздей, искусственных удобрений, ремонта орудий и т. д. На другую часть государство выдает особые квитанции, которые будут равносильны долговым обязательствам государства по

¹⁾ Мы говорим здесь о серебре, потому что Советская власть располагает значительным количеством серебра, лежащего втуне. Разумеется, принципиально все равно, выпустить ли серебро или золото. Я говорю здесь о том, что практичнее.

М
К
Е
М
Д
П
С
Б
Р
С
Д
С
И
Т
С
Р
С

отношению к крестьянству, и должны постепенно погашаться продуктами промышленности, по мере восстановления фабрик и заводов. Третья часть, представляющая из себя ренту с крестьянских земель, не возвращается, превращаясь в натуральный налог. Наконец, четвертая часть продуктов мелкого хозяйства, удовлетворяющая второстепенным потребностям работников социалистического государства, выбирается посредством серебряной и новой бумажной валюты. Серебро и новые бумажки выдаются, как дополнение, к основному лайку рабочих и используются на вольном рынке для различных закупок второстепенного значения. В свою очередь государство может для поддержания новой валюты и частичного возвращения ее из обращения в свои кассы требовать от крестьян уплаты за некоторые из своих услуг, не поддающихся уравнительному распределению, уплатой серебром или новыми бумажными рублями (за проезд по железным дорогам и на пароходах, за продукты непланового снабжения, случайный ремонт и т. д. уплата серебром или новыми рублями).

Этот способ в общей системе социалистического распределения, взятой в целом, представлялся бы лишь как мелкая разменная монета государства при больших расчетах. Выгоды этого метода состояли бы в том, что он делал бы излишним громоздкий добавочный аппарат по заготовке и распределению второстепенных и часто скоро портящихся продуктов, освобождал бы от волокиты и давал возможность большой индивидуализации в удовлетворении тех или иных потребностей.

Невыгоды этого метода состояли бы в том, что он открывал бы некоторую возможность для накопления денег.

Дело в том, что при господстве товарного хозяйства, предполагающего существование в качестве средств обращения золото и серебро, накопление этих средств обращения есть, в сущности, накопление товарных ценностей в руках немногих. Это накопление передает власть над избыточным продуктом общества в руки богатеющих групп. Наоборот, при непрерывном обесценении бумажных денег накопление бумажных средств обращения является бессмысленным и убыточным делом, и с этой точки зрения обесценение денег есть лишь одна из сторон отмирания капиталистической системы вообще.

Выпуск серебряной монеты открывает возможность такого накопления. Но эта опасность в общем и целом ничтожна не только потому, что размер серебряной валюты может быть лишь весьма ограниченным, но и потому, что часть серебра будет неизменно возвращаться обратно государству. Что же касается накопления новых бумажных рублей, то эта операция не представляет ничего опасного и может быть даже выгодна Советской власти: накопление новых бумажных рублей будет лишь делать более устойчивым их курс. Как накопление царских денег крестьянством задерживало процесс обесценения их и увеличивало возможность для царского правительства делать новые выпуски и их выгодно реализовать, так и накопление мелкими производителями новых бумажек лишь задержит их обесценение и позволит ликвидировать их в свое время, когда эта ликвидация хозяйственно будет вполне подготовлена. От накопления бумажек в последнем счете проиграют лишь держатели их, государство же и все общество в целом может лишь выиграть.

Но допустим, что Советская власть не найдет нужным прибегать к выпуску серебряной монеты и прекратит печатание бумажек тогда, когда в главном и основном натурализация заработной платы будет обеспечена и когда в то же время бумажный рубль еще не потерял всякой покупательной способности. Какова будет дальнейшая судьба тех тысяч миллиардов (триллионов) бумажных денег, которые выпущены в обращение в предыдущие годы?

Ответить на этот вопрос не трудно, если мы ясно представим себе объем той территории, на которой сохранится значение бумажных денег, как средств обращения. Эта территория,—главным образом, обмен крестьянина с кустарем на те продукты крестьянского хозяйства, которые минуют Наркомпрод, и на те продукты кустаря, которые минуют органы государственного распределения. В первое время, после прекращения выпуска бумажек, падение их курса автоматически будет продолжаться. Затем наступает перелом, и темп падения сильно замедлится либо приостановится. Это немедленно приведет к тому, что владельцы денег не будут особенно торопиться их сбывать, хранить их не будет теперь убыточным, как раньше. В результате миллиарды денег из

каналов обращения начнут поступать в денежные хранилища, что уменьшит давление денежной массы на рынок и в свою очередь будет причиной дальнейшего укрепления их курса. Не исключена возможность повышения курса бумажек, если размеры мелкого производства и, в частности, количество ценностей, поступающих на вольный рынок, будет увеличиваться (на основе временного расширения ремесла, урожая, подъема крестьянского хозяйства). Кроме того расширение внешней торговли может поднять спрос на советские бумажные деньги. С разгромом Врангеля уже отмечается бойкое падение курса «царских» денег и более благоприятное положение с советскими. Это может оказать кой-какое влияние на курс советского рубля внутри страны, особенно с сокращением выпуска новых миллиардов. Таким образом прекращение бумажных выпусков со стороны государства не только не убьет, а скорей оживит в первые годы бумажный рубль в его родной стихии—на вольном рынке ¹⁾.

¹⁾ В вышецитированной статье о деньгах тов. Ларин пишет, между прочим, об отмирании денег: „Деньги, как единое мерило ценностей, уже не существуют вовсе. Деньги, как средство платежа, окончат свое умирание, когда Советское государство разрешит задачу о натурализации своих отношений с крестьянством в области заготовки сельско-хозяйственных продуктов... и когда фактически увеличение всяких пайков рабочим и служащим избавит их от необходимости бегать по Сухаревкам. И то и другое находится в пределах нашего предвидения и практически разрешится в ближайшие же годы. А тогда деньги потеряют свое значение и как сокровище и останутся только тем, что они есть в действительности: цветной бумагой“. Думать, что с натурализацией заработной платы бумажки превратятся в бумагу во всей стране, значит ожидать через несколько лет прекращение товарообмена на деньги между крестьянином и кустарем. Это совершенно неосновательный оптимизм. Ремесло не будет вытеснено в несколько лет социалистической крупной промышленностью, а потому и торговля между кустарем и крестьянином будет существовать значительный промежуток времени. Может быть, советские деньги и будут стихийно вытеснены из оборота, но царские и керенки, имеющиеся в ограниченном количестве, долго еще не превратятся в „цветную бумагу“, тем более, что при натурализации заработной платы возможно ожидать на некоторый срок оживление обмена между рабочим и крестьянином в связи с необходимостью для городских жителей получать от крестьян второстепенного значения продукты земледелия, не заготавливаемые государственными органами, поскольку эти продукты можно будет получить от крестьян в обмен на часть рабочего пайка. Например, рабочий продаст часть полученного ситца и покупает сметану, сыр и т. д. Все эти операции могут потребовать дополнительного количества денег в обращении.

Новый цикл падения курса бумажек—и на этот раз падения бесповоротного, падения в могилу—будет связан с успехами крупной социалистической промышленности за счет ремесла. Когда постепенно государство в состоянии будет давать крестьянину все то, что давал кустарь, и давать на более выгодных условиях и лучшего качества, начнется умирание вольного рынка, сокращение его экономического значения для крестьянского хозяйства, вытеснение кустаря социалистической фабрикой. А так как этот процесс будет происходить не только стихийно, как было при капитализме, а будет сопровождаться энергичными подталкивающими жёстами со стороны хозяйственных органов государства (например, трудовыми мобилизациями для крупной промышленности кустарей, делающихся уже излишними в системе общественного хозяйства), то отмирание вольного рынка, высыхание этого последнего болота, в котором еще могли дышать на ладан миллиарды бумажных рыб, пойдет быстрыми шагами вперед. Бумажные деньги стремительно падают в курсе и умирают на этот раз безвозвратно.

Натурализация заработной платы и введение рабочих книжек, по которым служащие и рабочие социалистического государства будут получать от государства необходимые продукты, введение расчетных книжек для крестьян, сдающих свои излишки государству и получающих продукты индустрии, совсем не делает излишними введение особого рода краткосрочных расчетных знаков вроде чеков или талонов. Эти знаки, вероятно, придется ввести для удобства распределения, с тем, чтоб каждый работник-потребитель мог получить нужное ему количество продуктов с учетом его индивидуальных склонностей. Допустим, в складах государственных кооперативов приготовлены для распределения: мануфактура, обувь, сласти, игрушки, ежемесячно в среднем каждый рабочий может пойти в театр и т. д. Если на все эти продукты и развлечения выдаются талоны, то один предпочтет получить лишний фунт сахара, другой—лишний аршин мануфактуры, третий—не раз, а два раза захочет пойти в театр за счет получения продуктов питания, четвертый предпочтет уступить очередь в театр за лишний десяток яиц, пятый захочет получить два пуда яблок от крестьянина, отказав-

шись от обуви, и т. д. Такой обмен талонами внутри потребителей ничего не меняет ни в самой системе распределения, ни в количестве подлежащего распределению продукта, но в то же время предоставляет достаточный простор для более полного удовлетворения индивидуальных потребностей. Поэтому выпуск таких чеков или талонов как с обозначением продуктов, которые на них можно получить, так и без обозначения, с указанием лишь трудовой ценности талона (есть масса продуктов самых разнообразных, фиксировать названия которых на талон нет ни возможности, ни смысла), будет весьма необходим на тот, весьма продолжительный период времени, когда социалистическое общество не в состоянии будет дать каждому работнику все необходимое по его потребностям. Такие талоны и обмен ими будут играть существенную роль, как известный корректив к нормам социалистического распределения.

Деньги, как средства обращения и накопления, умрут вместе с товарным хозяйством, но одна положительная их сторона—возможность каждому получить в первую голову и в большем размере то, что ему больше нужно (правда, в определенных пределах)—сохранится, поскольку будет введена хорошо рассчитанная в своих пропорциях система талонов.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	<i>Стр.</i>
От автора	3
I. Деньги металлические и деньги бумажные	5
II. Бумажные деньги и их курс	19
III. Бумажные деньги после пролетарской революции	34
IV. Бумажные деньги, как вид налога	48
V. Бумажные деньги Российской Советской республики	58
VI. Бумажные деньги в системе социалистического производства и распределения	70

1 p. 50k.

